

Дарья Сойфер

Итальянец по требованию

РОМАН

Когда судьба сталкивает вас снова
и снова, остается только принять вызов.

Романтические комедии

Дарья Сойфер

Итальянец по требованию

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сойфер Д. В.

Итальянец по требованию / Д. В. Сойфер — «Эксмо»,
2019 — (Романтические комедии)

ISBN 978-5-04-100374-6

Италия... Страна солнца, высокой моды и темпераментных мужчин. Яна мечтала переехать в Неаполь и выучиться на модельера, но непредвиденные трудности отбросили ее назад, в скромное московское бюро переводов. И в тот момент, когда она была готова отказаться от большого будущего, в ее жизни появился один очень горячий синьор. Ему под силу решить проблемы Яны. Вопрос лишь в том, чего он попросит взамен...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100374-6

© Сойфер Д. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дарья Со́йфер

Итальянец по требованию

© Кулыгина Д., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

– Как idonei?! – пробормотала Яна и для верности пальцем провела по свежему списку студентов. – Да нет же, не может быть...

Ошибка была исключена. Ее фамилия шла первой после поступивших. И статус idonei, дающий льготы при попытке перейти в любой другой итальянский университет, был теперь совершенно бесполезен. А ведь она так рассчитывала! Нет-нет, должен быть способ все исправить! Ведь даже тот профессор... Как там его... Смешная фамилия... Да, Сальтаформаджо, точно. Синьор Прыгающий Сыр... Так вот, даже он, изучив ее внушительное портфолио, сказал, что шансы высоки. А он считался здесь корифеем, маэстро...

– Простите, можно? – от волнения Яне пришлось напрячься, чтобы вытащить из памяти самые элементарные итальянские слова, хотя она уже пять лет без устали учила язык и получила диплом переводчика. Пять лет иняза, курсы дизайна, курсы пошива, выкройки, рисунка... Ночи без сна, портфолио весом с ребенка, которого она бы могла давным-давно родить и вырастить... И это все? Просто idonei? Мир высокой моды захлопнул двери прямо перед носом?

– Добрый день, – улыбнулась низкорослая женщина со стрижкой, как у придворного пажа.

Уж чем точно могли гордиться жители Южной Италии, так это феноменальным дружелюбием.

– Я хотела уточнить насчет списков абитуриентов... То есть студентов...

– Да-да, синьорина, они уже вывешены на доске в коридоре. Пойдемте, я провожу! – И работница канцелярии с неизменной улыбкой взяла Яну под локоть.

– Нет, я уже видела список.

– Мои поздравления! Все остальное будет известно в начале учебного года.

– Нет! Я не поступила! – в отчаянии воскликнула Яна, чем вызвала недоумение и даже обиду приветливой синьоры. – Простите. Я хотела уточнить, может, тут какая-то ошибка... Проверьте: Яна Томилина. Ведь я хорошо сдала экзамены, баллы были высокие, даже выше, чем у тех, кто в списке, и я... Профессор Сальтаформаджо лично сказал, что у меня есть потенциал...

– А, вы та самая русская абитуриентка... – с пониманием протянула женщина, и лицо ее печально вытянулось. – Садитесь.

«Та самая русская абитуриентка». Пожалуй, за последние четыре месяца Яна сделала все, чтобы именно так ее запомнили в канцелярии Высшего института дизайна в Неаполе. По переписке, по крайней мере. Яна прошла все круги бюрократического ада, чтобы получить необходимые бумажки, справки, копии и переводы. Что в Москве ее пинали мячиком из одного ведомства в другое, что неспешные итальянцы выдумывали новые и новые требования. Впрочем, Яна изучила вопрос заранее и была готова ко всему. Считала, что самое главное – попасть в список абитуриентов, дойти до экзаменов, а дальше... Дальше все было просчитано наверняка.

Во-первых, она выбрала не Рим, не Милан и даже не Флоренцию. Неаполь – солнечный, уютный и, что самое главное, сравнительно недорогой для студентов город. Во-вторых, этот институт... Не самый престижный, но и не самый сложный для поступления. С низким конкурсом, с хорошими шансами получить стипендию... Международный. Так они себя называли. На табличке у входа была гордая приписка на английском: «International School». Хотя по факту на английском местные изъяснялись даже хуже, чем горничные из захолустного отеля.

– Вы должны понимать... – извиняющимся тоном начала синьора и сочувственно развела руками. – Наши стипендии, конечно, предоставляются всем талантливым кандидатам, но пре-

ференции – для граждан Италии. Такова политика института, такова политика нашей страны. К сожалению, я ничего не могу поделать.

– Даже если у меня выше квалификация?

– Дело не только в этом. Знание языка тоже важно, и поскольку обучение идет на итальянском, а времени на адаптацию слишком мало...

– У меня диплом переводчика.

– Мне очень жаль! – женщина поджала нижнюю губу, будто собиралась вот-вот расплакаться. – Но статус idonei позволяет вам перейти на отделение ландшафтного дизайна, там немного ниже конкурс и выше оплата. В таком случае...

– Простите, мне не подходит ландшафтный дизайн. – Яна вцепилась в сумочку.

Оплата ей подходила еще меньше, но гордость не позволяла произнести это вслух.

– Тогда даже не знаю, чем вам помочь. С вашими данными, конечно, очень обидно... Вот если бы вы пришли через год с этим статусом и конкурс был бы ниже, мы могли бы рассмотреть ваше поступление без повторных экзаменов... Но гарантий, разумеется, нет.

– А если бы у меня было гражданство? – с горькой усмешкой спросила Яна.

– Если бы у вас было гражданство Италии, вы бы поступили и в этом году. Хотя бы вид на жительство на долгий срок... Уверена, руководство пошло бы навстречу. Но сейчас, к сожалению, вариантов нет.

Машинально пробормотав что-то вежливое, Яна вышла из канцелярии. Ноги сами несли девушку вон из института. И хорошо, что в состоянии шока сработала мышечная память и Яна благополучно спустилась по широким ступеням кампуса, а не шагнула через подоконник третьего этажа.

Все было кончено. Сколько раз, лежа в постели перед сном, она представляла себе тот день, когда вернется домой и помашет у своих перед носом студенческим удостоверением из Неаполя. Мечтала с тех самых пор, когда впервые оказалась на итальянской земле, выйдя из экскурсионного автобуса.

– Господи, мама! – бормотала она тогда, вернувшись из поездки. – Ты бы только видела! Какие люди! Какое солнце! Какие улочки... Хочу туда! Какой смысл в дипломе переводчика, если я не смогу жить в Италии?!

– Какой смысл быть переводчиком и уехать туда? – словно ведром ледяной воды окатила в тот день Алла Романовна. – Они и без тебя прекрасно управляют с языком. Не выдумывай и ищи престижную работу в Москве.

Так заканчивались любые попытки завести разговор об Италии. Еще бы! Это первую дочку, Соню, родители завели для большого будущего. Для сольных концертов, для гастрольных туров. Это на ее репетиторов тратили всю зарплату. Ради ее занятий ругались с соседями, обустраивали звукоизоляцию, а вместо семейного отпуска купили немецкое пианино. Дочка-музыкант. Дочка-талантище. Семейная гордость. А Яна что? Яна – последыш. Да, умная и старательная, но без искорки. Поступила в иняз – молодец, а теперь возьми, детка, свои мечты, засунь поглубже и зарабатывай. Курсы пошива одежды? Замечательное хобби. Чем бы, как говорится, дитя ни тешилось, лишь бы за собственные деньги.

Не то чтобы Яна завидовала старшей сестре, скорее злилась на мать. Досадно ведь, когда твои мечты ровняют с землей и советуют смотреть под ноги, а не в светлое будущее. И очень обидно, когда родная мама не верит в твои таланты. А ужаснее всего, когда ты и правда не в силах доказать их наличие.

Яна никого не посвящала в свои планы. Решила так: тихонько попробует провернуть фокус с поступлением, разведает, просчитает и подготовится. Потом возьмет в конторе отпуск на недельку, когда все будет готово, сдаст экзамены – и вернется победителем. А теперь... Теперь она поедет домой, нацепив будничную мину, и будет делать вид, что не горят от боли опаленные крылья.

Неаполь, который особым южным шармом полюбился Яне сильнее других городов Италии, теперь отталкивал. В улыбках прохожих чудилась снисходительность, лихие мотоциклисты будто нарочно целились в нее и хотели сбить с ног. Уютные, стена к стене, дома с распахнутыми ставнями, были так близко и одновременно дразнили своей семейностью. Иди домой, русская абитуриентка, тебя здесь не ждали...

– *In culo alla balena!* – раздался за спиной громкий возглас, и от неожиданности Яна вздрогнула.

Типичная фразочка итальянских студентов. Вроде русского «ни пуха ни пера», только куда фантазийнее. «В китовую задницу», – если дословно. Сложно было придумать что-то более подходящее к ситуации Яны, чем гигантский задний проход морского животного, но парень обращался к другу.

– *Speriamo che non saghi!*¹ – хохотнул кудрявый товарищ и, махнув на прощание, побежал к лестнице.

Кому-то еще предстояли вступительные испытания... Интересно, как пройдет? Пожалуй, успешно, уже хотя бы потому, что абитуриент был итальянцем в сотом поколении и явно заслужил преференции.

Тем временем первый друг заметил одинокую девушку, и его огромные черные глаза загорелись от предвкушения.

– *Ciao bella!*² – игриво, чуть не мурлыкая, произнес он.

Яна очнулась от задумчивости, помотала головой и поспешила прочь, но и это не помешало парню присвистнуть ей вслед.

Небольшой опыт проживания в Италии не дал Яне приписать бурную реакцию на счет своей необыкновенной красоты. В сущности, никакой красоты и не было. В России ее бы никто и не запомнил с первого раза, а здесь, в Неаполе, она выделялась только бледной кожей и зашуганным выражением лица. Ни улыбки, ни широких жестов, только по-московски поджатые губы и напряженная походка. Наверное, чтобы пропитаться итальянской расслабленностью, нужно чуть больше времени.

Скорее, она просто привлекла внимание ярким видом. Широкую юбку-колокольчик мятного цвета с желтым пояском и желтой каймой Яна сшила сама. Отправляясь в Италию, готовая к новой жизни, сменила надоевший хвостик мышинного цвета на дерзкое каштановое каре в память о Коко Шанель, воплотила несколько эскизов и смело включила их в гардероб... Хотела произвести впечатление на комиссию, но, как оказалось, все ее дизайнерские находки годились лишь для того, чтобы цеплять любвеобильных мальчишек. Новому образу, как и старому, предстояло пылиться в московской конторе переводчиков.

Яна не хотела тратить время на долгую прощальную прогулку. И не потому, что ей больше не нравилось дышать неаполитанским воздухом или сидеть на набережной, наслаждаясь фруктовым мороженым. Просто сейчас было слишком тяжело смотреть на город, который, скорее всего, так и останется просто мечтой.

Дойдя до собора Успения Пресвятой Девы Марии, этой воздушной, кружевной часовни, втиснутой между красными домами, Яна присела на ступени. Вокруг фотографировались туристы, что-то каркал немецкий экскурсовод, голуби суетливо топтались в вечной борьбе за крошки. Как теперь возвращаться в Москву? Как сделать вид, что ничего и не было? Как выйти в понедельник на работу? Говорить на этом музыкальном, эмоциональном языке и знать, что Неаполя она больше не увидит?

Конечно, Яна могла бы остаться хоть сейчас. Найти работу – не без труда, потому что итальянцы еще больше любят нанимать родственников, чем русские, – но все же найти. Офи-

¹ Будем надеяться, его не пронесет! (*итал.*)

² Привет, красотка! (*итал.*)

цианткой, разносчицей рекламы, сиделкой, няней... Но двадцать пять – не тот возраст, когда верят в сказки. Зачем Италия, если жить в ней на птичьих правах? Яна так и слышала голос матери: «Ты для этого оканчивала институт? Чтобы за кем-то выносить судно?» Нет. Уж если переезжать, то ради большого будущего. В противном случае это будет обыкновенное бегство.

Яна умела признавать поражение. У нее была масса поводов попрактиковаться. Конечно, потом она возьмет себя в руки, возможно, подумает над планом Б, но сейчас пора было смириться и сделать паузу. Вздыхнув, она встала, взглянула в последний раз на пики собора и направилась в отель. Уже на следующий день, побросав немногочисленные вещи в дорожную сумку и захватив увесистое портфолио, Яна вызвала такси в аэропорт.

Регистрация была долгой, а шумная очередь – изматывающей. Час пришлось слушать, как выясняют отношения супруги-итальянцы. Человеку, не знающему языка и буйных южных нравов, со стороны могло бы показаться, что они вот-вот подерутся или устроят поножовщину. Но Яна понимала: они всего лишь обсуждают летний лагерь для старшей дочери.

Наспех купив первые попавшиеся сувениры, чтобы не было потом обвинений в эгоизме, Яна услышала долгожданный призыв к посадке. В ее программе до вылета остался только один пункт: уборная. День выдался жаркий, минералки было выпито много, а на борт хотелось подняться налегке.

Однако женский туалет от мужского отличает не картинка с девочкой, а тот ажиотаж, который царит внутри. Толчея, дети и сразу несколько очередей: к кабинкам, к раковине, к зеркалу, к сушилке для рук... Словом, стоило Яне заметить маленький феминистский пикет под дверью, она поняла: до посадки ей с этим мероприятием не закончить.

Времени для стыда и маневра не осталось. Соблазнительной свободой манил значок джентльмена. Что ей скажут, в конце-то концов? Косо посмотрят? Плевать. Да и кто станет тратить время на осуждение в Европе, в зоне повышенной толерантности? Может, она в процессе гендерного самоопределения? Говорят ведь, что итальянцы любят женщин, вот пусть и докажут делом.

Поправив лямку портфолио, – его Яна не готова была сдать даже в багаж, слишком много бессонных ночей, – она решительно толкнула дверь. Все оказалось даже проще, чем предполагалось. Туалет пустовал. Довольная житейской хитростью, Яна воспользовалась всеми преимуществами для синьоров и даже успела подкраситься в полной тишине. На все сто готовая к посадке, она двинулась к выходу и чуть не рухнула, сбитая кем-то сильно нетерпеливым.

Крепкие руки подхватили ее под локоть, когда скользкий кафель вырвался из-под ног. И не надо было поднимать глаза на своего обидчика-спасителя, чтобы понять: это итальянец. Роскошный парфюм с цитрусовыми нотками, отглаженная футболка поло розового цвета... И самодовольный горланый голос:

– Ciao bella... – теплое дыхание щекотало ухо, и Яна поспешила высвободиться.

Сверху вниз на нее смотрели лукавые кофейные глаза. Незнакомец успел оценить ситуацию: он, она, пустая уборная... Бровь его игриво изогнулась, губы растянулись в улыбке заправского соблазнителя. В любом другом случае Яне не составило бы труда поставить наглеца на место, но этот был настолько обаятелен, что она даже растерялась. Стоит запретить мужчинам с модельной внешностью ходить среди обычных людей!

И зря она надела эту алую блузку. Пусть даже со строгим воротничком. Вдруг он вычитал где-то, что женщины носят красное, когда ищут секса? Насильники ведь всегда обвиняют жертв в провокационной одежде.

– No parlo italiano!³ – с чудовищным акцентом выпалила она и выскочила вон.

И не столько потому, что испугалась его. Скорее, себя. А ведь только маленькой туалетной интрижки ей сейчас и не хватало! Идеальный последний штрих к портрету неудачницы.

³ Я не говорю по-итальянски! (*итал.*)

Рефлектировать было некогда, и Яна, вооружившись посадочным талоном, пошла к нужному выходу. Впрочем, итальянец, кажется, сдаваться не собирался.

– Эй, синьорина! – донесся до нее знакомый голос, и она ускорила шаг.

До чего же назойливыми бывают эти напичканные тестостероном самцы!

– Стойте! – крикнул он уже по-английски. – Стойте! О, Мадонна, что за женщина...

Последняя итальянская реплика меньше всего напоминала комплимент, скорее ругательство, и от удивления Яна остановилась.

– Если вы немедленно не оставите меня в покое, я позову службу безопасности! – отчеканила она с той же чопорной надменностью, что и полагается языку королевы Елизаветы и мистера Дарси.

– Багаж! – сообщил он, переводя дыхание, и Яна увидела свое портфолио в его руках.

Забыла?! Но... Чем она только думала? Неужели так и улетела бы налегке только потому, что встреча с любвеобильным синьором выбила ее из колеи?

– Спасибо, – виновато буркнула она.

– Тяжелый! – знание английского, судя по всему, не относилось к числу его достоинств. – Помогать? Я могу помогать?

– Нет! – слово вырвалось слишком резко, и, чувствуя вину за поведение старой девы, которой везде мерещатся маньяки, Яна повторила уже мягче: – Нет. Простите, я опаздываю на посадку.

Итальянец поднял руки, демонстрируя невинность своих намерений, и этим окончательно устыдил Яну. Она только открыла рот, чтобы сказать что-то любезное и не выглядеть истеричкой, как объявление по громкой связи избавило ее от этой необходимости.

– *Пассажиров рейса F914 просим пройти к выходу 9...*

– Извините, – она коротко кивнула и устремилась к стойке, радуясь, что инцидент исчерпан.

По крайней мере, так ей казалось. Однако пройдя полпути по металлической кишке трапа, она зацепилась каблуком о стык и споткнулась. Машинально вцепилась в портфолио, а вот пакет из дьюти-фри вывалился из рук. Яна нагнулась, чтобы поднять его, и с громким стуком одна за другой посыпались из сумочки леденцы. Барбариски, которые она таскала с собой всегда – и от укачивания, и от боли в ушах при взлете... И не так уж жалко было бы их растерять, но она никогда не позволяла себе мусорить. Особенно за границей, где русские туристы уже умудрились подмочить национальную репутацию выходками, достойными дня воздушно-десантных войск. Пусть и мелочами, но Яна всегда старалась реабилитироваться. А тут – трап, самая что ни на есть международная зона, а из сумки валяются леденцы, как золотые дукаты из сказочного осла.

– Господи, да что же это такое! – прокряхтела она, собирая конфеты кверху задом.

Барбариски неумолимо катились вниз по наклонной, и Яне пришлось двигаться следом в унижительной позе.

– Теперь помочь? – раздался у нее над головой голос, в поле зрения появились идеально чистые, будто только из бутика, замшевые мокасины.

Похоже, этот человек по какой-то причине решил собрать всю коллекцию ее мытарств. Будь в его руках камера, на встрече одноклассников Яны он стал бы гостем номер один. Казалось бы: зачем итальянцу идти в ее старую школу? Но ведь летит же он зачем-то в Москву, так отчего бы не добить ее окончательно?

– Нет, спасибо, – пробормотала она.

– Ваше лекарство? – Невзирая на протест, он опустился на корточки и протянул ей несколько барбарисок.

– Русский деликатес, – она выпрямилась, чувствуя, что кровь прилила к щекам от долгого пребывания в наклонной позе.

Волосы растрепались, блузка сбилась, но Яна из последних сил пыталась сохранить достоинство.

– *Buon appetito*⁴, – зачем-то добавила она, пихнув ему горсть оставшихся в сумочке конфет. Ведь не с пола же угощать! А потом, обхватив свои вещи, как пакистанский беженец, зашагала в самолет.

Итальянец не издал ни звука. Наверное, стоял, машинально сжимая несчастные конфеты, и жалел о том, что вообще собрался в Россию.

⁴ Приятного аппетита (*итал.*).

Глава 2

Судя по всему, провидение вдоволь натешилось с самолюбием Яны, потому что в салоне самолета итальянца она уже не встретила. И очень жаль: за весь полет умудрилась больше ничем себя не дискредитировать. Не пошла даже в туалет, чтобы не искушать судьбу. Бывают дни, когда лучше потерпеть до дома.

Четырех часов Яне сполна хватило, чтобы прокрутить в голове свое поведение и неадекватную реакцию. Закончив с самобичеванием, она пришла к выводу, что тот синьор либо вовсе раздумал лететь этим рейсом, либо путешествует бизнес-классом. Любопытство подстегивало ее заглянуть за шторку, где начинается мир комфорта, но Яна сдержалась. Итальянские каникулы завершились феерично, и стоило позволить им перейти в разряд тех историй, которые обычно рассказывают на девичьих посиделках после третьего коктейля.

Москва окатила непривычной для июня жарой, и, несмотря на номинальное наличие в такси кондиционера, до дома Яна добралась липкой от пота и совершенно обессиленной. От бани ее путешествие отличало только отсутствие купели с прохладной водой и возможности прилечь.

Лифт в очередной раз сломался, и, ввалившись в прихожую, как навьюченный ишак, вместо домашнего радушия Яна получила порцию материнской любви.

– Это ты? – крикнула Алла Романовна из кухни и тут же материализовалась с полотенцем в руках. – Отлично. Я как раз хотела разобрать антресоль.

– Вот именно сейчас?

– А сколько можно откладывать? Невыносимо жить в таком бардаке. Банки на холодильнике уже ставить некуда. Я хотела выбросить кое-что из старого, расставить там все...

– Не проще выбросить банки?

– Ну, конечно. – Мама перекинула полотенце через плечо и скрестила руки на груди с видом «Ну-ка, послушаем, что скажет наш эксперт». – Давай вообще все выбросим. Давай нам некуда будет закатывать варенье, давай и ягоды выбрасывать...

Яна скинула туфли, которые последние пару часов больше напоминали испанский сапожок, чем писк итальянской моды. Пошевелила онемевшими пальцами и устало присела на тумбу. Ей всегда было плевать и на банки, и на сбор урожая, и на варенье. Тем более что смородину она люто ненавидела с детства в любом проявлении. Однако же именно Яне приходилось выполнять роль маминогo оруженосца. Соня берегла пальцы для музыки, отец умело задерживался на работе, оставалась младшенькая. Единственное, что, по мнению Аллы Романовны, должно было уставать у переводчика, это язык. Прочие органы откосить от семейной повинности не могли.

Долгий и мучительный жизненный опыт не позволял Яне начать дискуссию. Все споры с матерью проходили по одному сценарию: отрицание, гнев, показательное смирение. То есть сначала Алла Романовна буйно отстаивала свою точку зрения, потом поджимала губы, возводила глаза к небу, как заправский великомученик с католических фресок, и, театрально хватаясь за поясницу, бралась за дело в одиночку. После чего кто-нибудь обязательно не выдерживал и бросался на помощь.

Сейчас у Яны не было желания проходить все стадии.

– Можно хотя бы через пару часов? – спросила она со слабой надеждой в голосе. – Дай немного отдохнуть...

– А чем ты занималась всю последнюю неделю? – мама всплеснула руками. – Не все в нашей семье могут позволить себе европейские курорты. Я понимаю, теперь тебе не до бытовых хлопот, мы же тут не итальянцы... Но не могла бы ты потерпеть пять минут?

Пять минут растянулись до бесконечности, как резинка от старых трусов. Только к вечеру, пыльная и потная, Яна слезла со стремянки и была амнистирована. Операция «банки» живо указала ей на свое место в жизни. Постояла на холодильнике, посмотрела мир? Заползай в тесный короб и пылись там, пока кому-нибудь не захочется налить в тебя отвратительного варенья. Ты же банка, а не какая-нибудь ваза, пусть вы и сделаны из одного стекла.

Пока мамина фантазия не пошла по новому циклу, Яна забаррикадировалась у себя в комнате и вытянула ноги на любимом диване. Однако закемарить не удалось и теперь: телефон зазвонил, мигая фотографией начальницы. Это был явно плохой знак, потому что Ирина Васильевна как никто любила отдыхать в выходные.

– Да, – напряженно ответила Яна.

– Слава богу, ты уже вернулась, – выдохнула Ирина Васильевна. – Выручай, у нас формажор.

– В чем дело?

– Можешь завтра выйти? – В голосе начальницы слышалась мольба, и это по-настоящему пугало. Когда просит человек, который привык отчитывать, стоит бояться самого страшного.

– Во сколько надо подъехать в офис? – мрачно осведомилась Яна.

– В том-то и дело, что не в офис. В ресторан. – Ирина Васильевна сделала паузу, видно, до сих пор не решила до конца, стоит ли доверять Яне эту работу. – Лиза сломала ключицу.

– Да вы что?! Как?! – Яна в ужасе вскочила.

Лиза Смеликова была ее подругой, и не только потому, что тоже переводила с итальянского. Яна в основном работала синхронисткой на разовых мероприятиях вроде конференций или переговоров и делала письменные переводы. Лиза, девушка эффектная и, что называется, статусная, была персональным переводчиком для важных персон. Подобные обязанности требовали сверхурочных, потому и оплачивались лучше. Яна в свое время настаивала на нормированном рабочем дне из-за дизайнерских и швейных курсов, а Лиза искала красивой жизни. Пусть даже в качестве переводчика. У нее был соответствующий деловой гардероб, она летала на частном самолете, видела знаменитостей, посещала лучшие спектакли, концерты и выставки. Яна к такому не стремилась, но любила послушать многочисленные истории Лизы о клиентах. И вдруг... Ключица?

– Верховая прогулка... – протянула Ирина Васильевна. – В общем, теперь она надолго на больничном. А я планировала прикрепить ее к новому шеф-повару, которого наняли в «Палаццо Д'Оро». Я знаю, ты не берешь сверхурочные, а там двенадцатичасовой рабочий день. То есть сначала ресторан, потом – по желанию клиента. Если ему нужно будет сходить в клуб, еще куда-то... Проблема в том, что он не только по-русски почти не говорит, но и по-английски.

– На итальянцев очень похоже, – вздохнула Яна. – Но я даже не знаю...

– Тебя график смущает? Премия тоже будет нормальная. Надо только переводить плюс кое-какие обязанности секретаря.

– И надолго?

– Пока руководство ресторана договорилось с нами на месяц. А дальше будет видно: приживется новый шеф, нет ли. Если понадобится, Лиза тебя сменит, если ты справишься и все пройдет гладко, можешь работать с ним и дальше.

Яна прикрыла глаза. С одной стороны, деньги бы сейчас не помешали. Отложить на обучение в Италии или на аренду жилья... С другой, вкалывать на какого-то шефа... Раз он маститый повар, да еще и горячих кровей, наверняка целыми днями орет на подчиненных, а вечерами ищет амурных развлечений. И Яне придется хвостиком таскаться за ним, переводя то оскорбления, то комплименты. Как бы Лиза ни нахваливала свою работу, уж слишком эта должность напоминала прислугу. Что-то вроде няньки для иностранцев.

И все же Яна отлично понимала, что выбор, который ей предлагают сделать, мнимый. В стране безработица, дипломированные переводчики штабелями валяются на улице. Итальян-

ский – не китайский, в конце концов, и большой востребованностью не отличается. И тем, кто крутит носом в ответ на просьбы начальства, быстро найдется замена. Яне достаточно было того, что она еще на год отложила мечту о профессии модельера, лишиться хлебной работы стало бы последним венком на ее карьерной могиле.

– Куда подъехать и во сколько? – обреченно спросила она.

– Другой разговор! – оживилась Ирина Васильевна. – Твой клиент должен подъехать к двенадцати, приходи пораньше. Завтра состоится только знакомство. Руководство ресторана поприветствует гостя, обсудит кое-какие детали... Так, формальности. Дальше тебя уже введут в курс дела. Скину тебе сейчас визитку их директора по персоналу и ассистентки.

– А адрес?

– Яна! – Ирина Васильевна раздраженно цокнула. – Это же «Палаццо Д'Оро»! Сразу видно, ты не Лиза... Погугли, он такой в Москве один.

Яна терпеливо промолчала. Интересно, хоть один человек слышал в своей жизни фразу: «Ты не Яна»?

– И оденься, пожалуйста, соответствующе, – продолжала начальница, как будто разговаривала с неразумным ребенком.

– Я, вообще-то, проводила переговоры, – не стерпела Яна.

– Прекрасно. Только учти: работать надо будет на кухне, поэтому заколи волосы и поменьше этих твоих... Побрякушек. Руководство ресторана уже затребовало твою медицинскую книжку. Продумай внешний вид.

Если бы этот разговор прослушивали не спецслужбы, а человек, который никогда не видел Яну, он решил бы, что девушка воспитывалась в таборе. Что она передвигается по городу в резиновых шлепках, разноперых тряпках, увешивается с ног до головы бусами, а длинные нечесаные волосы служат одновременно и шалью, и фермой для вшей.

Да, она любила яркие и чистые цвета. И эскизы в ее портфолио кричали об этом. Оттенки серого Яна оставила канцелярским крысам и поклонницам Кристиана Грея с его арсеналом БДСМ, подозревая, что это одни и те же люди. Она никогда не считала, что работа в офисе – это повод слиться с бетонными стенами. С энтузиазмом посещала все ярмарки мастеров-самородков, где кропотливо выискивала необычные украшения ручной работы. Прямо сейчас, к примеру, в ее ушах покачивались серьги, один в один похожие на шоколадные конфеты, причем левая словно была надкусана кем-то очень прожорливым. И подобных вещиц в Янином сундучке было море: браслет из серебряных крабиков, брошка-витраж, раритетное кольцо с камеей или колье-галстук в древнегреческом стиле.

Говорят ведь, что нет женщины, которая не любит бриллианты. Ложь. Так говорят только те, кто незнаком с Яной. Она всегда считала классические украшения из золота и маленькие прозрачные камушки скучными и банальными. Зачем? Когда есть масса талантливых художников, которые умеют создавать уникальные, единичные вещи из войлока, тканей, кожи, стекла или самоцветов? Столько техник, столько идей и новшеств, чтобы носить обыкновенные колечки и гвоздики...

Мама часто называла младшую дочь сорокой. Еще ребенком Яна бережно складировала всевозможные бусы и могла часами сидеть, собирая из бисера новое украшение. В классе над ней посмеивались, в старшей школе называли Хиппушкой. И все же она не до такой степени увлекалась яркими вещицами, чтобы ее стыдно было выпускать в люди.

Воскресным утром Яна убила час на укладку новой стрижки. Волосы, которые столько лет стягивали на затылке резинкой, ни в какую не хотели снова выглядеть строго. Шапочка дерзких локонов подходила для Высшего института дизайна в Неаполе, но для работы персональным переводчиком, да еще и в ресторане, была сушей катастрофой. Знала бы Яна, что ей понадобится денно и нощно торчать на кухне, где ни один волосок не должен выбиться из при-

чески, ни за что бы не подстриглась. Теперь у нее было два варианта: вылить на себя пол-литра геля и стать женской версией Гитлера или купить ободок и вернуться в образ первоклашки.

С трудом создав более или менее строгую прическу, Яна распахнула двери шкафа. Он ломился от одежды, но это был как раз тот случай, когда положено хвататься за голову, отчаянно завывая: «Мне нечего надеть!» Цветастые платья, юбки, шарфики были прямой противоположностью тому, что попросила Ирина Васильевна. Яна не умела быть английской гувернанткой или безупречным секретарем. Да, в углу висел деловой черный костюм, предназначенный для конференций, но на улице грело лето, то время, когда можно устроить огромный костер из штанов и колготок и скакать через него, наслаждаясь тем, как ветерок щекочет голые ноги. И снова брюки?..

Обреченно вздохнув, Яна вошла в доспехи офисного планктона и глянула на себя в зеркало. Вид удручал. Чтобы добавить в унылую картину хоть каплю праздника, Яна вытащила из коробки красные лодочки. Каблуки после вчерашнего путешествия ее все равно бы убили, а туфли и ремень земляничного цвета отвлекали от мыслей о предстоящем рабстве.

Всю дорогу до ресторана в полупустом вагоне метро Яна повторяла новую лексику. Специально выписала себе в блокнот слова, связанные с кулинарией и поварским искусством. Признаться, к готовке она относилась прохладно. Сосуществовать на кухне с мамой было сомнительным удовольствием, поэтому от идеи овладеть мастерством венчика и лопатки Яна давно отказалась. И теперь даже по-русски плохо понимала, чем обвалка отличается от отбивки, а ланспик от миронтона. Приходилось составить двойной словарь: итальянско-поварской и поварско-русский. Интересно, сделала бы так Лиза? Или понадеялась бы на природное обаяние? Может, Яна и не умела быть бежево-элегантной, но, по крайней мере, подходила к работе щепетильно.

«Палаццо Д'Оро», этот золотой дворец итальянской кухни, соответствовал своему названию даже внешне. Если его создатели хотели показать публике, что такое «дорого-богато», им это вполне удалось. От особняка на Тверском бульваре так и несло респектабельностью. И двери, слепящие золотистыми отблесками, были только началом.

Изнутри ресторан выглядел как плевок в лицо среднему классу. Лепнина, чудовищно громоздкие люстры, картины в тяжелых рамах, отвлекающих от изображения. Каждое из бордовых кресел, обитых бархатом, тянуло на полноценный трон. И золото, золото, золото. На стенах, шторах, посуде... Если так украшала свое обиталище Мария-Антуанетта, то становилось понятно, почему ей отрубили голову.

Неприятие этого места зародилось в Яне моментально, и чем дальше она ступала по лакированному паркету, тем сильнее становилось желание вымыть глаза с мылом. Да, минимализм она считала скучным, но это... Как торт, в который навалили пару лишних килограммов сахара, да еще и заботливо украсили розочками масляного крема. Окажись она сейчас в магазине шведской мебели, бросилась бы целовать табуретки.

– Добрый день, – хостес отделился от стойки бесшумно, и Яна вздрогнула, потому что раньше его не заметила: пиджак сливался со шторами.

Натянутая улыбка на его лице говорила, что он прекрасно видит ее нулевой клиентский потенциал, но слишком хорошо вышколен, чтобы это озвучить. «Ильдар» – подмигнул золотистый бейджик.

– Добрый день, Ильдар. Я ищу... – она вытащила из сумочки визитку. – Самохина Михаила.

– Если вы по поводу работы, сегодня не приемный день. – Приветливое выражение исчезло, как кролик в шляпе фокусника.

– Я переводчик нового шефа.

– Справа от главной лестницы вход для персонала. – Он прошествовал перед ней потомком итальянской аристократии. – Я открою, но не забудьте заказать в отделе кадров личный пропуск и форменный пиджак.

– Пиджак? – выдохнула Яна и с отвращением покосилась на наряд Ильдара.

В такую жару таскать чудовищно неудобный скафандр, сшитый из театрального занавеса? А дальше что? Золотой бронелифчик, чтобы радовать глаз маэстро во время готовки?

Ильдар не удостоил ее ответом и молча пропустил в спасительную прохладу коридора. Белые стены... После парада помпезности они выглядели совершенством.

Михаилом Самохиным оказался человек, к которому хочется обращаться по имени-отчеству. И не только потому, что он давно перешагнул шестидесятилетний рубеж, но и потому, что в кресле он восседал с мучительным раздражением работника паспортного стола. Выход на работу в воскресный день явно не доставил ему удовольствия. Он кривил верхнюю губу, промокал лоб платочком, хотя кондиционер жужжал и повизгивал на предельной мощности. Скорее всего, деньги владелец ресторана бухнул в интерьер, сэкономив на комфорте сотрудников. Тем не менее Самохин стойко терпел рубашку, застегнутую на все пуговицы, и тугой бордовый галстук. Шея над воротничком гармонировала с фирменной расцветкой отеля, но ожидание итальянского гостя не позволяло менеджеру портить свой внешний вид.

– Елизавета? – Михаил Игоревич предпринял неудачную попытку улыбнуться и обнажил зубы до того ровные и белые, что издали они походили на боксерскую капу.

– Нет, Яна. Томила Яна. Буду работать вместо Елизаветы. Ирина Васильевна сказала...

– Да-да, хорошо, – нетерпеливо перебил Самохин. – Все в порядке, главное, что вы вовремя.

Он повертел головой, безуспешно высвобождая шею из ярма, потом сдался и откинулся на спинку кресла.

– Хочу предупредить сразу, – продолжил он. – Марко Бурджарини – наше... Наш капитал. Не знаю, как объяснить еще доступнее... Но руководство возлагает на него большие надежды. Ваша задача – сделать его пребывание здесь и адаптацию максимально комфортными.

– Я понимаю.

– Хорошо, если так. От первого месяца зависит очень многое. Надеюсь, вы сделаете все, что в ваших силах. И даже больше.

Яна не успела уточнить, что значит это загадочное «даже больше», и оговорить рамки своих услуг, как яростная музыка огласила кабинет.

– Да! – Михаил Игоревич взялся за смартфон. – Готовы, ждем. Проводи его.

На этом Самохин взволнованно вскочил, затянул галстук еще туже и промокнул пот, выступивший на лбу лягушачьей икрой.

– Приехал раньше... – пробормотал он. – Черт... Я потом вам объясню детали, а сейчас включите обаяние, сделайте одолжение.

– Но я...

Дверь распахнулась, и Яна машинально расправила плечи. Волнение Самохина, как вирус эболы, передалось ей, хотя до этого момента она и не собиралась нервничать. Ну, повар и повар. Итальянец и итальянец. Мало ли она встречала в Неаполе таких Марко! А тут вдруг ноги ослабли, похолодели кончики пальцев, несмотря на жару... Впрочем, как выяснилось, это было только начало.

– *Buongiorno!* – в кабинет шагнул высокий брюнет, и, встретив взгляд знакомых кофейных глаз, Яна ощутила острое желание рассыпаться на атомы.

Перед ней стоял тот самый синьор, в чьи руки она позорно рухнула в мужском туалете, тот самый обладатель безупречных манер и парфюма, который помог ей собирать леденцы, пока она корячилась кверху задом. И судя по выражению его лица, новая встреча шефа Бур-

джарини не обрадовала. Бодрая улыбка превратилась в оскомину. Видно, синьор не до конца распробовал ту горсть барбарисок, которые Яна пихнула ему на прощание. И ведь надо было! Как бабулька, которая носит в сумке килограмм слипшихся карамелек со времен торжества коммунизма и пытается ими каждого ребенка, ненароком оказавшегося поблизости.

От стыда и досады Яна не знала, куда себя деть, но подозрительный взгляд Самохина заставил взять себя в руки.

– Добро пожаловать в Москву и в наш ресторан! – затарахтел Михаил Игоревич, протягивая гостю ладонь.

Яна перевела и даже умудрилась сделать это так, чтобы голос не дрожал. Синьор Бурджарини кивнул и собрался пожать руку ей. А она до того перенервничала, что не сразу поняла, почему все стоят и смотрят на нее. Потом вспомнила, что держит в правой руке сумочку, переложила в левую, но ремешок скользнул во влажных пальцах, и сумка шмякнулась на пол. К счастью, сегодня замок сработал, и леденцы от укачивания не разлетелись по всему кабинету.

– Извините, – пробормотала она, пытаясь сообразить, лучше пожать руку сразу или сначала поднять сумочку. И если пожать, то как перед этим незаметно вытереть ладонь, чтобы он не понял, как она взмокла.

Марко тяжело вздохнул, но все же наклонился за сумочкой, пока Самохин, гневно округлив глаза, атаковал Яну взглядами-упреками. Решив исправить ситуацию, она резко нагнулась, чтобы в последний момент поднять вещь самой, и с размаху столкнулась лоб в лоб с синьором Бурджарини.

– Извините, – только и смогла сказать Яна, в ужасе глядя, как он поднимается и потирает ушибленное место.

Растерявшись окончательно, приветственно потрясла его протянутую руку с сумочкой обеими руками.

Самохин, честь ему и хвала, сообразил, что надо бы держать иностранца подальше от сумасшедшей девчонки, и жестом предложил гостю присесть в кресло. Теперь, когда синьор Бурджарини не нависал над ней, Яна смогла выдохнуть и устроилась на стуле у стены.

Синхронный перевод был ее стихией. К тому же мужчины говорили между собой и на нее не обращали почти никакого внимания. На понедельник назначили знакомство с персоналом, ревизию кухни и продуктов. Через час с небольшим, когда встреча подошла к концу, Яна почувствовала себя спокойнее и даже решила, что ее неуклюжесть прощена и забыта.

Однако, распрощавшись с Марко, Самохин попросил ее задержаться с видом, который не сулил ничего хорошего.

– Что это было? – процедил он, плотно прикрывая дверь и сдирая с шеи ненавистный галстук.

– Извините, я... Такого больше не повторится.

– Вы что, знакомы?

– Нет! Случайно пересекались в Неаполе...

– Имейте в виду, – Самохин встал к ней вплотную, так что его зубы-капы оказались прямо перед ее носом. – Мне не нужны интрижки и осложнения на рабочем месте.

– Да нет же! – Яна торопливо шагнула назад и чуть не опрокинула вешалку. Хвала жаркому июню, пустую. – Мы просто виделись в аэропорту, он помог мне с багажом...

– Мне глубоко неинтересны детали. Но я сегодня же поговорю с вашей начальницей и попрошу предоставить другого переводчика. Потому что, если вы будете валить все вокруг себя при каждой встрече с синьором Бурджарини, мы лишимся кухни. Нам нужен расторопный человек, профессионал! А не этот цирк...

– Я понимаю, – Яна сглотнула. – Но в нашей конторе нет переводчиков с итальянского кроме меня и Елизаветы, и если...

– И если это действительно так, я найду другую контору, – жестко перебил ее Самохин. – Всего доброго, Яна, мы отказываемся от ваших услуг. И, пожалуй, обойдемся без рукопожатий.

Глава 3

Звонок раздался в тот момент, когда Яна пыталась спрятаться в ванной от назойливого внимания мамы и не менее назойливого концерта Рахманинова. Сестра готовилась к гастролям, и все соседи в радиусе двадцати метров были вынуждены раз за разом слушать один и тот же трудный пассаж. Для Яны это было чересчур, хоть она и чувствовала себя достойной самого страшного наказания. Поэтому, щелкнув задвижкой, включила горячую воду и легла в надежде, что растворится быстрее, чем получит выговор от начальницы.

Надежда не оправдалась. Телефон заверещал, соревнуясь с пианисткой Соней. Пришлось, промокнув руки полотенцем, принять удар.

– Томилина, какого черта ты творишь? – обрушилась на Яну Ирина Васильевна, обесценив функцию громкой связи.

– Это вышло случайно...

– Нет, я замечала, конечно, что ты периодически не лучшим образом вписываешься в интерьер... Фотография моей дочери, кружка Сан Саныча... Но такое?! Яна, либо бросай пить, либо проверься на Альцгеймера!

– Ирина Васильевна, я всего лишь уронила сумочку, – как можно тише произнесла Яна, чтобы не привлекать внимание домочадцев.

– А Самохин мне расписал встречу нового шефа так, будто ты была обдолбамшись!

Яна молчала. Оправдываться было глупо, пересказывать события заново – неприятно. Оставалось только ждать, пока Ирина Васильевна наорется всласть.

– Ты хоть представляешь, каких трудов мне стоило его уgomонить? – не унималась начальница. – Я в жизни так не унижалась! Такой крупный клиент! В их ресторане и переговоры проходят, и... А что я тебе объясняю? Один этот Бурджарини чего стоит! Потерять такого клиента...

– Бурджарини, – автоматически поправила Яна и запоздало осознала свою ошибку.

– А, это ты, значит, запомнила! Если бы не Лизина ключица... Глаза б мои тебя не видели, ясно?

– Да.

– Господи, двадцать лет работаю, и чтобы вот так... Только попробуй теперь все испортить! Если провалишь испытательный срок...

– Какой?

– Тот, что я выбила для тебя у Самохина! А что мне, по-твоему, было делать? Терять «Палаццо Д'Оро»? Сказать «не хотите – не надо»? Так, ты думаешь, делается бизнес, Томилина? Пойдешь завтра к ним, будешь извиняться. Будешь вести себя как мышка. Сделаешь все, чтобы остаться. Ясно тебе?

– Да, – Яна стиснула челюсти от досады на саму себя.

– И радуйся, что я тебя ближайшую неделю не увижу. Если тебя, конечно, завтра не выведет оттуда охрана. И учти, что твое будущее зависит от синьора Бурджарини. И если ты и дальше будешь колошматить его почем зря...

– Я поняла.

Если бы она и правда понимала! Нет, указания дошли до Яны отчетливо, вопрос был только в том, откуда такая оторопь. Ловкость и грациозность никогда не входили в число ее достоинств. Фоторамка и кружка Сан Саныча находились на верхушке айсберга из побитых Яной вещей. Для миниатюрной девушки у нее была чересчур широкая амплитуда движений. И если бы у Ирины Васильевны был шанс пообщаться с Яниной мамой, то историй про ущерб человечеству вскрылось бы гораздо больше. И все-таки раньше Яна умела пожимать людям руки без происшествий.

Само присутствие Марко Бурджарини действовало как световая граната. Яна терялась в пространстве, забывала, как управляться с конечностями, и молола чушь. Один его взгляд – и она будто снова оказывалась в мужском туалете, застигнутая врасплох. Казалось бы, какая ерунда! Но отчего-то Яна чувствовала себя дико неловко.

Всю ночь ей снилось, что она в «Палаццо Д'Оро», Марко разговаривает с ней по-русски, ругается и заставляет разносить заказы. Она выходит в зал с огромным тяжелым подносом, на котором опасно позвякивают полные хрустальные бокалы с вином. И Яна изо всех сил сохраняет равновесие, но посетители вдруг начинают хохотать, указывая на нее пальцами, и она понимает, что все это время была голая.

– Это что, *татуировка?* – в ужасе взвизгивает за спиной мать, и бокалы с громким звоном сыпятся на пол...

Подскочив в постели, Яна провела рукой по лицу и с облегчением обнаружила, что звонит всего лишь будильник. Двадцать капель маминой валерьянки вместо привычного кофе помогли унять волнение, и сонная, но спокойная, за пятнадцать минут до назначенного времени Яна была у ресторана.

Никогда прежде ей не доводилось бывать на профессиональной кухне. Конечно, кое-какие представления после фильмов и телепередач были, но все они меркли перед действительностью. Нацепив халат и шапочку, она зашла в огромное помещение, наполненное людьми, звуками и запахами. И это утро, сравнительно тихое время! Что же происходит здесь по вечерам, когда все кругом жарится, парится и режется в ускоренном режиме? Как справиться с переводом в такой сутолоке?

Решив напоследок глотнуть тишины, пока не явился синьор Бурджарини, Яна вышла в коридор и чуть не столкнулась с причиной своих тревожных волнений. Чуть! Слава богу! Жалкие несколько сантиметров спасли ее от увольнения.

На всякий случай она отступила назад и перекинула сумочку через плечо.

– Это какая-то русская традиция, о которой я не знаю? – спросил он, заглядывая ей в глаза. – Или вы что-то имеете лично против меня?

– Простите, синьор Бурджарини! Клянусь, я случайно... – затараторила Яна приготовленную заранее речь. – И этого больше не повторится. Я знаю, это непрофессионально, возможно, сказывается стресс, но на моих рабочих навыках...

– Это всего лишь шутка, – Марко улыбнулся. – Вы слышали о слове «сарказм»?

Он положил руку ей на плечо, заставив вздрогнуть. Прикосновение обжигало даже через ткань пиджака, а пустяки вроде окружающего мира, ресторана и дальнейшей карьеры стали казаться несущественными.

– Синьор Бурджарини, меньше всего я бы хотела доставить вам неудобство, – начала она снова, нервно облизнув губы.

– Прошу вас, просто Марко, – он лукаво изогнул бровь и слегка прищурился, будто предлагая вступить в какую-то неизвестную игру.

Неловко было стряхивать его руку с плеча, но горячая ладонь, тембр голоса, взгляд... Это вносило во все, что он говорил, сексуальный подтекст.

Итальянские мужчины от рождения обладают уникальной способностью любой разговор превращать в заигрывание, даже если обсуждается штраф за парковку или бабушкино наследство. Тестостерон капает с языка южан вне зависимости от того, что они собирались сказать изначально. Достаточно просто поставить перед ними существо в юбке. И чем приятнее существо и короче юбка, тем интенсивнее источаются феромоны.

Собственно, в новинку это было Яне лет семь назад, когда она впервые увидела живого итальянца. Студент по обмену из Флоренции был волоок, велеречив и жарок. Получив разом такую порцию мужского внимания, Яна по наивности расплавилась, как стружка пармезана на горке ризотто, и на какое-то время даже поверила в мощь своей привлекательности. Жизнь и

любезность Антонио расставили все по местам, и с тех пор итальянские комплименты и традиционное «Ciao bella!» стали для нее чем-то вроде погодных явлений.

Марко Бурджарини, однако, отточил навыки обольщения куда острее, чем Антонио и все те, кого Яна встречала раньше. Если бы он был персонажем компьютерной игры, над его головой светилось бы облако с надписью «соблазнитель, 80 уровень». Ему не надо было рассыпаться в поэтичных сравнениях частей тела Яны с лучшими объектами Вселенной. Он просто смотрел на нее так, будто знал всю ее подноготную, все грешки прошлого, и не имел ничего против. Наоборот, готов был разделить самые нехорошие из потаенных желаний. Мол, мы оба в курсе, что ты плохая девочка, но и я заслужил, чтобы меня отшлепали...

Встряхнув головой, разгоняя не в меру откровенные образы, Яна заставила себя посмотреть в хитрые кофейные глаза.

– Марко, – кивнула она, нацепив самую холодную из своих профессиональных улыбок. – Я рада возможности работать с вами и надеюсь, мои услуги будут полезны. Вчерашнее поведение было непростительным. Но Михаил Самохин был так любезен, что предоставил мне еще один шанс. Поверьте, больше я себя не скомпрометирую.

– И очень жаль, – шепнул он, нагнувшись к самому ее уху. – А я только подумал, что моя работа обещает быть веселой.

– Сделаю все, что от меня зависит, – еще одна невозмутимая улыбка. – В какое время вы планировали начать знакомство с персоналом?..

Внутри еще тлели угольки от прикосновения Марко, но, вспомнив Антонио и его внушительный список любовниц, Яна почувствовала, что моральный кондиционер заработал с новой силой. Отстраненная вежливость сработала: Бурджарини сразу стало скучно, он равнодушно дернул плечом и пошел на кухню, предоставив Яне возможность созерцать крепкий зад, затянутый в бордовый фартук. Преступление, а не зад! Встретаться с женщиной, чья фигура годится на обложку спортивного издания, может только вдова олигарха. Сколько бы Яна отдала, чтобы и ей природа пожаловала такую аккуратную попку! Сколько раз уходила в разгрузочное безумство, насиловала велотренажер и начинала бегать по утрам! Худел только верх, который и без того тянул на единичку. Футболки размера S свободно болтались на плечах, а вот филе, идеальное для бразильской танцевальной платформы, все еще способно было прокормить целое семейство людоедов.

Нет уж, с ее задом – никаких Бурджарини. Только юбки всех цветов и фасонов и мужчины, изъянов которого хватит хотя бы на пальцы одной руки. Возможно, недостатки имелись и во внешности Марко, но для этого пришлось бы изучать его тело с лупой, что было чревато... Господь всемогущий, Томила! Когда ты успела превратиться в озабоченную тетку?!

К счастью, в общении с новыми коллегами Марко обошелся без флирта. И пока Яна переводила все, что они сообщали новому шефу, мысленно монтировала его с женской половиной персонала. С каждой, кто мог бы стать очередной жертвой итальянской харизмы. Вариантов было до того много, что настроение испортилось уже к обеду.

Вопреки ожиданиям Яны, с подчиненными Бурджарини вел себя жестко. Разбрасывался не шутками и комплиментами, а отрывочными командами. Со стороны могло бы показаться, что Москва пала в войне с Италией и заезжий генерал разъясняет условия сдачи.

– Мельче! Не давите! Резче... Почему такой огонь? Убавьте! – все это Яна повторяла, смиренно мотаясь за ним по кухне, пока он инспектировал свои владения. – Разве это томаты? Нужен другой поставщик. Где контакты поставщика?.. Почему мясо не маркировано? Что это за медальоны? Стейки грубой работы!

Яна старалась сбавить градус начальственного гнева миролюбивым тоном, но он не оставлял ей времени на формулы вежливости. Она не успевала вставить даже банальное «простите», хотя ей было дико жаль молодых поваров с пунцовыми ушами. Она чувствовала себя личным помощником Муссолини и ничего не могла с этим поделать. Какая, в конце концов, разница: на

миллиметр тоньше, на миллиметр толще?.. На ее взгляд, достаточно мелко. И феноменально быстро. И уж точно очевидно, что все стараются. Но Марко никто не мог угодить. За полдня Яна не услышала от него ни слова похвалы. Самой большой любезностью было «рад познакомиться». Яна же была рада только тому, что работает переводчиком, а не поваром.

Раньше она думала, что труженики кулинарии всегда голодны. Какой нормальный человек удержится от искушения, когда вокруг такая вкуснота? Особенно, если это не кухня заводской столовой, а итальянский ресторан высшего уровня. Однако несколько часов работы с Марко изменили все. Теперь вид еды вызывал у нее страх. Она смотрела на ризотто и вместе с парнем, который должен был его постоянно помешивать, доливая бульон, боялась, что шеф забракует все на корню. А вдруг мешать надо по часовой стрелке, а не против? А если бульон надо наливать по двадцать миллилитров, а не по пятьдесят? В тот момент Яне показалось, что нет работы волнительнее и ответственнее. На лбу у нее выступила испарина, как у хирурга, который копошится скальпелем в человеческом сердце.

– Вы в порядке? – Вопрос Марко был неожиданным не только потому, что он вдруг возник у нее за спиной, но и потому, что голос звучал тихо и обеспокоенно.

Никаких генеральских ноток и упреков. Отлично! Теперь вся кухня будет считать ее подхалимкой!

– Разумеется, – сдержанно кивнула она.

– У вас такой вид, как будто вы сейчас упадете в обморок.

– Представляю, что вы обо мне думаете после нашего странного знакомства, но я в норме.

– Может, вам надо... освежиться? Я видел, мужской туалет здесь тоже есть, – в кофейных глазах заплясали искорки, и его губы дрогнули от сдерживаемой улыбки.

– Очень смешно, – Яна вздернула подбородок. – Синьор Бурджарини, мне бы не хотелось, чтобы меня снова обвинили в непрофессионализме.

– Успокойтесь, я не собираюсь на вас жаловаться. Вы, наверное, думаете, что я ужасный тиран, да? – Марко с притворным огорчением поднял брови.

– Ну что вы! – наигранно ужаснулась Яна. – С чего бы мне так думать? Никогда не видела более чуткого начальника.

– Бросьте. Но я докажу вам, что заслужил право работать здесь.

– Я и так не сомневалась...

– Нет-нет. – Он взял ее за локоть и отвел в сторонку, подальше от коллег.

Особой нужды в этом не было: даже если бы они разговаривали во весь голос посреди кухни, вряд ли хоть кто-то посмел бы оторваться от работы после утренней выволочки.

– Думаю, обеденный перерыв не помешал бы нам обоим, что скажете?

– Вы здесь шеф.

– Тогда снимите эту шапочку и выберите столик.

Яна хмыкнула. Она была благодарна, конечно, за свободное время, но обед в «Палаццо Д'Оро»? Такими темпами вся ее работа уйдет в глубокий минус. Нет, она подозревала, что пармская ветчина, капрезе, фокаччо... Что любое блюдо из меню будет сумасшедше вкусным. Несколько часов на кухне хватило, чтобы понять: пока Марко Бурджарини отвечает за готовку, за результат можно не волноваться. Но прощаться с последней наличностью тоже не улыбалось.

– Я не голодна.

– Тогда зачем вам обеденный перерыв? – нахмурился Марко.

– Подышать свежим воздухом. Такое солнце в Москве – редкость. И скоро вы в этом убедитесь. К тому же здесь рядом есть небольшая пиццерия...

Бурджарини изменился в лице так резко, что Яна невольно отшатнулась, словно он собирался ее ударить.

– *Пиццерия?* – процедил он. – Неподалеку? Я что, по-вашему, не способен приготовить пищу?

Он стиснул челюсти и посмотрел на нее так, будто она собралась резать рыбу ножом для мяса.

– Я просто подумала...

– Что, хотел бы я знать? Что я подам вам пригоревшее тесто, совершенно сырое внутри? Или подсыплю яда за то, что вы смотрите на меня как на монстра?

– Я?! – она отчаянно замотала головой, потому что Марко неотвратимо закипал. – Что вы! Я не сомневаюсь, что вы профи! Просто мой бюджет распланирован, и обед в «Палаццо Д'Оро» не входил в него... Если вы меня понимаете...

– Могу я пригласить девушку на обед или нет? – он хмыкнул и закатил глаза. – Мадонна! Еще не встречал такой непонятливой персоны.

– Девушку? – насторожилась Яна.

Если он пытался устроить свидание, стоило пресечь это в самом начале. Самохин отчетливо предупредил: никаких интрижек, или ей придется искать новую работу. Еще одного пинка под зад она бы просто не вынесла. Но Бурджарини, видимо, истолковал ее вопрос иначе.

– А я должен сомневаться? – Он медленно и с видимым наслаждением оглядел ее с ног до головы. – Да нет, вы и правда похожи на девушку. Там, в Неаполе, у меня не было возможности проверить наверняка, но, если вы хотите о чем-то меня предупредить, сейчас самое время.

– Синьор Бурджарини! – настал ее черед злиться. – Вы каждый раз будете это вспоминать?!

– Яна, – мягко сказал Марко и взял ее за плечи. – Нам предстоит работать вместе довольно долго. Вы будете моим голосом и моими ушами, пока я не выучу русский. Может, стоит познакомиться в нормальной атмосфере? Поговорить, как двое взрослых людей, а не как мужчина и ребенок, который бежит по аэропорту с полной сумкой леденцов? Кстати, забыл вас поблагодарить. Вкус необычный, но мне понравилось.

Яна вздохнула. Марко был явно не из тех, кого просто отшить. К тому же сделать это надо было максимально мягко. Вряд ли шеф так уж впечатлился ее внешностью, скорее всего, подыскивал развлечение на первое время, пока еще не освоился толком в Москве. С подчиненными он отношения портить не собирался, а переводчица... Это толком и не подчиненный. Так, ассистентка до поры до времени. Сам же сказал, что собирается выучить русский. Сколько у него это займет? Месяц, два? Три? Потом ее благополучно отправят за ненадобностью.

Марко не клеился к ней в открытую. И все-таки интуиция подсказывала Яне, что он заигрывает с ней и рассчитывает на что-то. Когда европеец предлагает угостить женщину обедом, это точно свидание. В западном мире равноправия мужчина боится лишний раз открыть дверь перед дамой, чтобы его не обвинили в шовинизме.

– Я выберу столик, – сдалась она.

– С этого и надо было начинать. Присоединюсь минут через десять, – он довольно ухмыльнулся и понизил голос. – И если после этого ты не скажешь, что я лучший в своем деле, тут же пойду и соберу чемоданы.

Яна не любила самодовольных людей, но обаянию Марко невозможно было сопротивляться. Когда он появился в зале без формы, в простых брюках и рубашке, с двумя тарелками в руках, Яна против воли улыбнулась.

– Мой фирменный салат, – он чинно склонился, изображая официанта. – Но я должен предупредить...

– М-м-м? – она расстелила салфетку на коленях и вооружилась ножом и вилкой.

– После этого салата ни одна женщина не способна мне отказать, – будничным тоном сообщил он, усаживаясь напротив.

От неожиданности и неприкрытой наглости Яна поперхнулась.

– Что?!

– Я, конечно, мог бы пообещать тебе, что буду джентльменом. – Марко изогнул бровь и сделал глоток воды. – Но ведь я же не англичанин.

Яна вздохнула и отодвинула тарелку.

– Кажется, это было плохой идеей.

– Что опять? – в нем снова заговорил ревнивый шеф-повар. – У тебя аллергия на орехи?

– У меня аллергия на рабочие интрижки.

– Кто здесь говорил про интрижку? – Марко театрально огляделся по сторонам.

– Марко... – она покачала головой. – Пожалуйста. Давайте не будем все усложнять.

– Где твое чувство юмора, Яна? Никто не собирается овладеть тобой прямо на этом столе... Хотя теперь, когда я это сказал, идея не кажется такой уж плохой... Спокойно! – он примирительно поднял руки. – Шучу. Ешь, в конце концов, это просто салат.

Просто салат... Для блюда, которое подал ей Марко, слово «салат» было бы самым настоящим оскорблением. Кусочки спелой груши, припущенные в меду и сбрызнутые лимонным соком, таяли на языке, пряные кусочки изысканного сыра добавляли вкусу глубины. Свежесть зелени, ароматы трав и заправки...

– Ну, что скажешь? – стервец смотрел на нее из-под полуопущенных век, прекрасно зная, какой эффект произведет на нее божественная стряпня.

– Мадонна! – она сложила пальцы в излюбленном итальянском жесте. – После того, что ты сделал со мной... Как честный человек, ты просто обязан на мне жениться.

Марко запрокинул голову и расхохотался.

– И кто из нас после этого не разбирается в шутках? – спросил он, отсмеявшись.

– Кто здесь говорил о шутках? – Яна с наигранной серьезностью осмотрелась. – Надень смокинг, я вызову такси.

– Я знал, что с тобой будет весело. С того самого момента, когда ты влетела...

– Если ты еще раз вспомнишь о мужском туалете, я сама уволюсь.

– Ладно, ладно. А пока Димитри портит мое ризотто...

– Дмитрий.

– Ди-ми-три...

– Кажется, я буду работать с тобой дольше, чем предполагала.

– Ты не дашь мне расслабиться, да? – Он откинулся на спинку кресла.

– Говорят, я обладаю тонизирующим эффектом.

– Тогда можно мне вечером пару порций?

– Марко, я... – Такой откровенный намек убил всю веселость. Шутка мигом переросла в напряжение, и Яна отвела взгляд. – Я очень тебя прошу. Мне сейчас не до этого...

– До чего именно? – Он облокотился на стол. – Простое дружеское общение. Или, может, у тебя есть муж? Жених? Бойфренд?

– Нет.

– Тогда тем более не вижу проблемы. На сегодняшний вечер у меня запланирована обзорная экскурсия по Москве, и гида я уже нашел.

– Не имеет смысла спрашивать, кто он? – обреченно спросила Яна.

– Почему? Так было бы гораздо драматичнее, – Марко развел руками. – Но я рад, что ты не против показать мне родной город. О! Вот и наше ризотто...

Нет, она была против. Еще как против. Если этот чертов донжуан так хорош при свете дня, то что сделают с ним огни Москвы?! И кто бы сказал ей в институте, что профессия переводчика может быть такой опасной!..

Дразнящий аромат горячего уже щекотал ноздри, а жесты Марко гипнотизировали, как пассы иллюзиониста. И Яна поняла, что не в силах даже за шкуру вытащить себя из помпезного зала «Палаццо Д'Оро».

Глава 4

Насчет обзорной экскурсии Марко Бурджарини погорячился.

– Выходим через полчаса! – бодро сообщил он Яне около семи вечера.

Она машинально приосанилась, хоть вся эта затея была ей против шерсти, метнулась даже в туалет, чтобы подкраситься. Место у зеркала пришлось делить с су-шефом Викой. Та умывалась холодной водой, потому что пятью минутами ранее Марко раскритиковал ее в щепки.

– Пытаешься ему понравиться? – мрачно спросила Вика, глядя, как Яна, открыв рот, колдует над ресницами.

– Что, простите? – рассеянно поморгала Томилина.

– Ой, да ладно. Все же очевидно, – Вика фыркнула. – Крутишься перед ним, как... Мне-то по фигуре. Просто жалко смотреть.

Промокнув лицо бумажным полотенцем, су-шеф оставила Яну в одиночестве. Что это было? Ревность конкурентки? Злость недооцененного повара? ПМС? Так или иначе, в словах Вики желчь и правда присутствовали в равных пропорциях. И Яна, изучив внимательно собственное отражение, все же стерла с губ блеск и помаду, а блузку застегнула до самого подбородка. Будь воротничок немного выше, она бы и рот свой прикрыла, чтобы не ввязываться больше в неприятности.

Впрочем, все опасения оказались напрасными. Вместо готового к знакомству с достопримечательностями туриста Яна застала на кухне фанатичного творца. Он стоял за рабочим столом вместе с Викторией и старшим поваром. Перед ними громоздились продукты и стайкой дятлов стучали ножи.

– Где тебя носит! – возмутился Марко, завидев ее. – Иди сюда, мне срочно нужен перевод.

Им овладело то самое раздражение, которое бывает, когда кажется, что нужная идея находится на поверхности, а нужное слово вертится на кончике языка. Вот только время идет, а ничего похожего на озарение не происходит. Он мучительно прорабатывал рецепт соуса, но результат все время казался ему неправильным.

– По-моему, идеально... – прокомментировал Игорь, старший повар, дегустируя пятую попытку.

Яна с опаской посмотрела на Марко, предчувствуя новый взрыв, но все же перевела.

– Матерь Божья! – взревел Бурджарини и швырнул ложку на стол с такой силой, что та крикошетила в ближайшую стену. – Что вы вообще понимаете в соусах? Если бы я налил сюда кетчуп, вы и то не смогли бы его распознать.

– Он не совсем согласен, – тихо перевела Яна, виновато косясь на Игоря.

Если бы Марко наорал на Виду, которая с равнодушным видом стояла рядом, Яна уж постаралась бы донести каждое слово. Но эта хрупкая с виду женщина к своим тридцати годам поняла то, до чего Игорь не додумался к пятидесяти: когда кто-то психует, стоит просто переждать бурю. И уж точно нельзя вступать в дискуссию, если шеф ищет козла отпущения.

Но Игорь, этот милейшего вида человек невысокого роста, похожий на медвежонка Паддингтона, имел неосторожность сунуть лапу в улей. Желание угодить обернулось против него же самого, и Яна пыталась сгладить удар, как могла.

– Нет уж, переведи ему как есть! – руки Марко мелькали в бешеной пляске жестов. – Как он вообще мог стать старшим поваром? Стажер – вот идеальная должность для человека, который не может распознать испорченный соус. Убрать! Сейчас же убрать все это, мы будем делать с нуля. И чья была идея включать в меню блюдо, которое невозможно приготовить из этих отвратительных помидоров? Вы вообще слышали, что у помидоров должен быть вкус? Бумага, вот что это такое! Размокший картон! Завтра же я еду лично отбирать продукты. А до

тех пор никто не уйдет с кухни, пока из этого мусора не получится что-то, хотя бы отдаленно напоминающее соус.

– Синьор Бурджарини сказал, что для соуса больше подошли бы другие помидоры. Завтра он закупит новые. Сейчас он предлагает попробовать новый вариант, а старый просил убрать со стола, – деликатно произнесла Яна.

– Просил, – тихо повторил Игорь. – Как же!

– Что он там шепчет?! – Марко свирепо сдвинул брови.

– Говорит, что совершенно согласен.

Ни о какой экскурсии не могло быть и речи. Марко плотно застрял на кухне, а вместе с ним Яна и все остальные. Вечерний наплыв клиентов заставил всех работать в удвоенном темпе, и трудно было найти место, чтобы ни с кем не столкнуться и никому не помешать. Шипели сковороды, звенела посуда, то и дело слышались выкрики с заказами. Бурджарини оказался не самым шумным. И если поначалу повара стеснялись его присутствия, то спешка быстро подавила смущение. Орала на стажеров, на младших поваров. Прямо на глазах у Яны один из работников горячего цеха нарочно уронил готовую порцию мраморной говядины, которую секунду назад выложил на тарелку его коллега. Вика, услышав гвалт, отчитала пострадавшего, не потрудившись вникнуть в детали, и понеслась в зал, чтобы лично извиниться перед клиентом за задержку блюда. Стоимость мраморной говядины и вина, которое выдали в качестве комплимента, включили в штраф бедолаги.

– Куда ты смотришь? – одернул Яну Марко, прежде чем она успела вмешаться и рассказать о подставе. – Ты вообще слышала, что я говорил?.. Если брать орегано, то добавлять необходимо... Ты переводишь?!

Конец смены наступил ближе к полуночи. Взмыленный персонал только-только начал отходить от аврала, и Яна осознала, что не чувствует ног, а в ушах до сих пор отдаленным эхом звучит какофония криков. И ведь ей еще повезло, что во всем ресторане итальянец был только один! Наверное, в Неаполе они на кухне кидаются друг в друга ножами и сковородками с кипящим маслом, потому Марко и переехал туда, где поспокойнее. Может, она просто не видела его прежде. Может, сегодня он даже взял себя в руки и был пайнкой по сравнению с тем, что творил у себя на родине. Так или иначе, Яна к боевому крещению оказалась не готова.

– Прости, я совсем забыл про экскурсию... – протянул Марко, снимая шапочку.

Яна сидела на стуле в коридоре и искала внутри себя мотивацию встать и доехать до дома. Это было трудно: в ее нынешнем состоянии даже кафель казался пригодным для сна.

– Делай со мной, что хочешь, Кремль я тебе не покажу, – устало сказала она. – Или неси меня на этом стуле.

– Я тут шеф, и на стуле надо носить меня. – Марко прислонился к стене. – Думаешь, я тиран?

– Зависит от того, есть у тебя в руках нож или нет.

– Слушай, извини. Сам не знаю, что на меня нашло... Обычно я не такой бешеный. Наоборот, люблю, чтобы на моей кухне была веселая, дружеская атмосфера...

– О, так весело мне давно не было! – вяло улыбнулась она.

– Просто здесь все не так, как я себе представлял. Даже не знаю, на что я рассчитывал...

– Не сочти меня любопытной, но зачем ты вообще поехал в Россию? – решила она на вопрос, который не давал ей покоя. Сейчас Марко выглядел слишком обессиленным, чтобы поставить ее на место.

– А вот и знаменитое русское гостеприимство... – он покачал головой. – Это долгая история. И надеюсь, мы ее еще обсудим.

– Я сэкономлю тебе кучу времени, если скажу: здесь все будет не так, как ты рассчитывал.

– Ты поэтому пыталась сбежать в Неаполь?

– Это долгая история, – в тон ему повторила Яна. – Но я не уверена, что мы ее обсудим.

– Хочешь, вызову тебе такси? – неожиданно предложил Марко. – У тебя такой измученный вид, что мне стыдно. А завтра в восемь нам нужно ехать на рынок.

– Рынок? – удивилась она.

– Я же говорил: мне нужно лично подобрать продукты.

– А разве вы это делаете не на каких-то специальных базах?

– Сейчас у «Палаццо Д'Оро» крупные поставщики. Но мне не нравятся продукты. Качество ужасное. Ты пойми, рецепт и умение повара не гарантируют идеальное блюдо. Моя мама, например, готовит все спонтанно. Ни разу не видел, чтобы она открывала поваренную книгу. Но ее лазанья получается такой, что... – Марко звучно причмокнул, поцеловав кончики своих пальцев. – Это магия. Это помидоры с рынка. Я должен найти... А! – он отмахнулся. – Завтра ты все увидишь сама.

Яна поняла, что он имел в виду, когда следующим утром водитель фургончика привез их на Дорогомиловский рынок.

– Это место мне посоветовал Джованни, он переехал в Москву год назад и открыл свой ресторан, – объяснил Марко, и Яна почувствовала себя гостем в родном городе.

Она никогда прежде не была в этом месте. Да что уж там, и рынки она смутно помнила по детству. Рядом с ее домом построили гипермаркет, и ни она, ни мама не видели смысла куда-то специально ездить за едой. Теперь же Марко Бурджарини ясно показал ей: все, что она принимала за овощи и фрукты раньше, не имело ничего общего с истиной.

Перед ней был даже не рынок – базар. Во всем его буйстве запахов и красок. Прилавки сливались в цветастую карусель, и Яне захотелось взять в руки альбом и набросать несколько зарисовок. Где бы только найти такие оттенки для ткани... Такие спелые, что кажется, вот-вот лопнут, и сок струйкой потечет по упругой коже...

– Яна! – окликнул ее Марко. – Не отвлекайся. Узнай, какой сорт. И попроси продавца разрезать вот этот...

Ей оставалось только ходить за ним с тележкой, которая постоянно пополнялась, и принимать косвенное участие в торгах. Дважды они сгружали добычу в фургон, но маэстро все еще не собирался уходить.

– Эй! Марко! – Громкий возглас заставил обернуться не только Яну и синьора Бурджарини, но и добрую половину рынка.

– Джованни! – радостно отозвался Марко. – Джованни Риччи! Я думал, что встречу тебя здесь как-нибудь, но сегодня... Видишь, я последовал твоему совету!..

Яна с трудом сдержала улыбку. Фамилию Риччи, что в переводе с итальянского значит «кудрявый», дали этому человеку как будто в насмешку. Он был лыс настолько, что его можно было бы сделать лицом международного сообщества лысых. И только густые брови и заросшие руки компенсировали отсутствие растительности на голове. Не зная, как его зовут, Яна бы приняла его за местного продавца, который только привез новую партию овощей из Баку.

– ...А это Яна, мой переводчик, – представил ее Марко. – Джованни Риччи, мы в детстве жили на соседних улицах.

– Какая красotka! – воскликнул Джованни по-русски с едва заметным акцентом. – Я готов забыть русский язык, если мне тоже дадут такого переводчика.

Он подмигнул с тем же выражением лица, с которым в Италии обычно произносят коронное «Ciao bella». Яна вежливо улыбнулась, надеясь, что все ограничится приветствием. Однако Джованни пришлось в голову продолжить покупки вместе, по старой дружбе он знакомил Марко со своими любимыми продавцами. И все бы ничего, но шеф Риччи не упускал возможности коснуться ее при каждом удобном случае. Коснуться или выстрелить комплиментом.

– Здесь самая сладкая клубника, – доверительно сообщил он Марко у фруктовой лавки и тут же, повернувшись к Яне и понизив голос, перешел на русский: – Но она не такая сладкая, как ты...

За час Яну сравнили с устрицами, пряностями, креветками, дыней, виноградом, оливковым маслом, домашним сыром и даже с телячьим филе. Оставалось только сунуть ей в рот пучок петрушки и запекать два часа при ста восьмидесяти градусах.

Она старательно делала вид, что не обращает внимания на странные комплименты. Но Марко наблюдал за происходящим с мрачным видом.

– Что ты все время шепчешь? – раздраженно спросил он, не выдержав очередной атаки Джованни.

– Знал бы, если бы выучил русский, – парировал тот и удвоил усилия.

Он не отставал от Яны ни на шаг, как бы они ни старались оторваться. Стоило ей отойти к соседнему прилавку, как Риччи тут же тащил Марко следом.

– Тебе скучно с ним работать? – доверительно спросил Джованни у Яны, не преминув при этом коснуться ее спины.

– Нет, – она шагнула в сторону.

По-хорошему, приставучий мужичок давно заслужил быть отбритым. Но Яна боялась оскорбить земляка Марко и тем самым обидеть гневливого Бурджарини. Видит бог, ей не хотелось, чтобы ее отчитали так же, как поваров «Палаццо Д'Оро». К тому же Риччи был владельцем собственного ресторана, а значит, обладал связями. И в случае задетого самолюбия нашел бы способ ей напакостить. Даже если бы просто попросил старого друга уволить несговорчивую девчонку, тот вряд ли стал бы возражать. У всех итальянцев на первом месте – родня, а на втором – родина.

Поэтому ей оставалось только одно: терпеливо ждать, пока Марко скупит, наконец, все, что можно купить, и они смогут уехать. В идеале стоило бы выяснить, когда Джованни соберется пополнять закрома в следующий раз, чтобы ни при каких обстоятельствах не пересечься с ним снова.

Когда Бурджарини сквозь зубы объявил о финале своего похода, Яна с облегчением выдохнула. Сильный запах от парфюма Джованни насквозь пропитал ее одежду, перекрыв даже ароматы солений и специй, но, по крайней мере, теперь у нее был шанс проветриться.

– Ну, теперь в ресторан? – бодро спросила она у Марко, когда водитель завел машину.

– Да, – коротко бросил шеф.

И это было единственное слово, которое он сказал за всю поездку. Сначала Яна просто отдыхала от шума, потом тишина начала настораживать. Марко смотрел в окно так, словно мог лазерным суперзрением выжечь в окнах круглые отверстия. На щеках угрожающе перекачивались желваки. Но в какой момент она успела его обидеть? Когда умудрилась оскорбить его семью до седьмого колена?

Выяснять отношения в присутствии водителя не хотелось, поэтому Яна дождалась, пока пробки закончатся и фургон остановится у дверей ресторана, и поспешила за шефом. Из всех сил семенила за его широким шагом, пришлось почти бежать, но перед самой раздевалкой Яна все же сумела его догнать.

– Марко, – умоляюще простонала она, пытаясь отдышаться. – Пожалуйста.

– Что еще? – он нехотя обернулся и скрестил руки на груди.

– Я... – она шумно втянула носом воздух и медленно выдохнула. – Я чем-то тебя обидела?

– Я что, женщина, чтобы обижаться?!

– Я действительно не понимаю, что происходит! Почему ты злишься.

– Все нормально, – процедил он, демонстрируя ее правоту.

– Но Марко!..

– Знаешь, – резко перебил шеф, – я почему-то был о тебе более высокого мнения. Ты вчера так успешно строила из себя недотрогу... Я думал, у тебя есть моральные принципы.

– О чем ты?! – Яна шагнула назад, потому что Марко расцепил руки и явно собрался жестикулировать.

– Ты хоть понимаешь, что он женат?! – Кисти взметнулись вверх, будто он играл в «крокодила» и показывал фонтан.

– Кто? – нахмурилась Яна.

– Джованни! Джованни Риччи, которого ты все утро бесстыже соблазняла.

– Я?! – Она чувствовала себя слабоумной, но и правда не понимала, чем заслужила такие упреки.

– Вот только не надо! – Марко потряс пальцем перед ее лицом. – Я не слепой! Вы обменивались пошлыми намеками... Я думал, у тебя хватит совести не рушить чужую семью! Вчера ты была неприступная, как будто тебя воспитывали в католическом монастыре. Но теперь-то я вижу: зачем тебе простой повар, когда можно соблазнить хозяина ресторана?!

– Ты сумасшедший! – отрезала Яна. – И если хочешь, я могу лично проводить тебя к доктору!

– Мужчины в белых халатах тебе тоже нравятся?

– Сумасшедший... – повторила она уже тише, потирая виски.

– Я очень разочарован, Яна.

– Нет, это я разочарована! – разозлилась она. – Хочешь, уволь меня. Посмотрим, кто еще выдержит твой дурацкий характер!

– С моим характером все в порядке! Я не люблю, когда женщины ведут себя, как алчные... – он сдержался в последний момент, хотя было очевидно, какое слово он собирался сказать. – У него семья! Двое детей!

– А при чем здесь я?! – возмутилась Яна. – Я с трудом вытерпела его вот это... – она сложила пальцы в классическом итальянском жесте и изменила тембр голоса, имитируя Джованни: – «Привет, красотка! Ты сладкая, как эта клубника! Ты ароматная, как эта свежая дыня! Ты мягкая, как это телячье филе...»

– Он правда так сказал? – Марко с сомнением поднял бровь. – Как телячье филе?

– «Ты такой же деликатес, как эти устрицы... Ох, я бы сбрызнул тебя лимонным соком!...»

– Вот старый осел...

– А его духи? Кто-нибудь говорил ему, что флакончики на пятьдесят миллилитров – не одноразовые?!

– Да, духи он любит, – Марко фыркнул от смеха, но Яна разошлась не на шутку.

– Теперь тебе смешно, да? – она поджала губы. – У него семья! А почему ты ему это не сказал? «Дружище, вспомни о жене, хватит уже строить кулинарные планы на моего переводчика!» Нет, ты, конечно, сразу решил, что виновата женщина! И ведь никто не оценил, что я стойко терпела этот кошмар, чтобы не обидеть твоего друга и тебя!

– Меня? – теперь Бурджарини выглядел растерянным.

– Тебя, Марко! Я боялась, что ты достанешь из рукава нож для мяса, приставишь к моему горлу и казнишь на месте за то, что я оскорбила твоего земляка!

– Ты считаешь, что итальянцы так делают?

– Откуда мне знать, как делают итальянцы? Чудо, что ты вчера не убил никого из поваров...

– Добрый день, шеф!

Яна была так увлечена ссорой с Марко, что не заметила парня из овощного цеха. Он неловко мялся в дверях раздевалки, потому что не мог обойти буйного начальника, не задев его. И не знал, бедолага, как еще обозначить свое присутствие.

– Он здоровается, – пояснила Яна на итальянском.

– Добрый день, – бросил Марко и отступил в сторону.

Повар молниеносно испарился от греха подальше, сочувственно взглянув на нее, и Яне оставалось только радоваться, что он не понял, по какому поводу ругань. Если любопытные

потом нападут на нее с расспросами, она сможет сказать, что получила нагоняй по работе. Марко так часто устраивал разборки полетов, что еще один никого бы не удивил.

Понадеявшись, что инцидент исчерпан, Яна уже собралась пройти чуть дальше, в женскую раздевалку, чтобы облачиться в халат и шапочку, но Бурджарини, судя по всему, не закончил. Он схватил ее за локоть, огляделся по сторонам и, не заметив посторонних, затащил в раздевалку.

– Что ты делаешь?! – она отдернула руку.

– Не хочу, чтобы ходили сплетни.

– Послушай, мы уже договорили. Ты несправедливо меня обвинил во всех грехах, я тебе объяснила, что моя единственная задача – сделать твою адаптацию к России комфортной.

– Вот как?

– Да. Именно так мне велел Самохин. И если тебе не нравится, что твой друг сравнивает меня с телячьим филе, то скажи об этом ему. Я буду только благодарна. Любой каприз, синьор Бурджарини.

– Любой? – он игриво вскинул бровь и подошел к ней вплотную.

– О, нет... – поняв его намерения, она отступила назад, но натолкнулась спиной на шкафчик. – Марко, это сарказм... Я не это имела в виду...

– Ну уж нет, синьорина, – ухмыльнулся он. – Сегодня ты не отвертишься...

– Марко, пожалуйста... – выдохнула она, и это прозвучало то ли как слабое возражение, то ли как отчаянная просьба.

Он, разумеется, услышал только просьбу. Склонился над ней, нежно заправил за ухо прядь волос и поцеловал.

Глава 5

Стоило оттолкнуть его. Немедленно. Вырваться и бежать, как только он потащил ее в раздевалку. Теперь стало мучительно поздно.

Теплые губы, тонкий, солоноватый запах кожи... Легкие, дразнящие прикосновения пальцев к шее... И мурашки по всему телу. О, в этот момент Яна хотела быть одним из продуктов, о которых говорил Джованни. И пусть бы Марко сделал с ней такое, после чего невозможно зайти в отдел гастрономии, не покраснев.

Да нет же, нет! Так нельзя... Мысленно отхлестав себя по щекам, Яна что-то промычала и лишь потом с невероятным трудом оторвалась от Марко.

– Нет, подожди, я так не могу... – она осоловело замотала головой. – Нельзя, я не играю в эти игры...

– *Di cosa stai parlando?*⁵ – хрипло спросил он, и Яна осознала, что бормотала по-русски.

– Так нельзя, – повторила она на итальянском.

– Что за глупости? Тебе понравилось.

Это был не вопрос. Утверждение, произнесенное самодовольным, хвастливым тоном. Того факта, что понравилось ему самому, он даже не скрывал: во взгляде кофейных глаз появилось опьянение, а уголок припухших, испачканных блеском губ дернулся вверх.

– Меня очень настойчиво просили не заводить интрижку. – Яна отошла в сторону.

– А еще тебя просили устроить мне адаптацию...

– Марко, это не смешно!

Весь его вид говорил о том, что он не согласен, и Яна обреченно покачала головой. Туман возбуждения рассеялся, она призвала весь свой профессионализм.

– Пожалуйста, послушай меня. Я серьезно! – Она расправила плечи, но Марко только фыркнул со смеху. – Прекрати сейчас же!

– Извини, – он вытер слезы, – извини, но с тобой невозможно говорить, когда ты в таком виде.

Он снова приблизился к ней, мягко взял за локоть и подвел к зеркалу. От увиденного она чуть не застонала. Каре, заботливо уложенное с утра, теперь торчало во все стороны, как будто она только что самозабвенно терлась затылком об эбонитовую палочку. Лямка расстегнутого лифчика бесстыже выпала из короткого рукава блузки. Стоп! А когда Марко успел добраться до ее лифчика? Или застежка, устав дожидаться мужской инициативы, сама отскочила?

Яна раскрыла рот, чтобы отругать шефа за излишнюю расторопность, но из коридора послышался голос Самохина.

– Синьор Бурджарини! – звал он, стремительно приближаясь. – Марко! Могу я с вами переговорить?

Ну почему?! Почему именно она умудряется вечно попадать не в то место и не в то время?! Желудок сжался от ужаса, мозг отказался работать и вместо хоть одной самой завалящей идеи выдал шум помех.

– Самохин... – выдохнула Яна. – Что делать?!

Марко оказался куда сообразительнее. Схватил ее, окаменевшую от приступа паники, за локоть, втолкнул в душевую и, перегородив вход собой, для верности стянул футболку. Яне оставалось только вжаться спиной в мокрый холодный кафель и перечислять про себя всех святых угодников в надежде, что хоть один окажется в свободном доступе и спасет ее от увольнения.

– Марко? – хлопнула дверь раздевалки, и голос Самохина прозвучал совсем близко.

⁵ О чем ты говоришь? (*итал.*)

– Si, Mikail. Buongiorno! – как ни в чем не бывало отозвался Марко.

– Бонджорно, бонджорно... Э-э-э... Мольто бене... Яна? Где Яна? Ю спик инглиш?

– Un poco⁶. Yana is not here. Men only⁷.

– О'кей... Эм... – Михаил Игоревич, судя по всему, английский знал еще хуже, чем Марко. – Уно моменто... Спорто! Спорто, фитнес, карта... Ду ю вонт... Черт, как же это... Evening? Morning?⁸

– Wait for Yana! She was in the kitchen! – невозмутимо солгал Марко и, видимо, встретив непонимание, добавил: – Cook, cook!⁹

– А, кук... – вяло протянул Самохин. – О'кей, Яна, значит, Яна...

Потеряв всякую надежду объяснить с шефом без переводчика – ха! Пусть только попробует теперь ее уволить! – Михаил Игоревич ретировался. Во всяком случае, Яна услышала, как удаляются его шаги, и уже через мгновение к ней заглянул Бурджарини.

– Выходи, – бросил он. – Надо идти быстрее, теперь будут искать тебя, а не меня.

Он все еще держал в руках футболку, и Яна осознала, что находится в душе с полуголым мужчиной. Учítывая, что мужчину любой степени обнаженности она не видела очень давно, а в такой физической форме – и вовсе никогда не созерцала так близко, мозг снова устроил себе перерыв. «То адреналин, то гормоны... Мне здесь явно делать нечего», – решил ее мыслительный орган и выключил свет. Поэтому она не могла даже толком посчитать, как долго стояла и пялилась на крепкую, чуть тронутую загаром грудь.

– Теперь я понимаю, за что люди подают обвинения в сексуальных домогательствах. – Марко упер руки в боки, позволяя ей насмотреться всласть.

– С... спасибо, что не сказал... Что привел... – Яна зажмурилась, пытаясь представить что-нибудь отрезвляющее: утюг, селедку, шиномонтаж...

Да что ж такое?! В каждом видении появлялся Марко: то гладил ее белье в коротеньком фартуке, то в том же фартуке чистил селедку, то, потный и чумазый, медленно менял колесо, низко нагнувшись... Бабушка! Она будет думать о бабушке, Царствие ей Небесное!

– У тебя вся спина мокрая... – констатировал Марко, отстранив ее от стены. – Меня, конечно, и раньше хотели женщины, но чтобы настолько...

Бабуля! Родименькая! Ну где же ты?!

– Я пошла! – с трудом произнесла Яна и, оттолкнув Марко нечеловеческим усилием воли, выскочила из раздевалки.

В женской было тихо, пусто, и ноздри не щекотал запах этого дьявола Бурджарини. А как еще назвать человека, который заставляет ее думать о смертных грехах и покойниках? Она наскоро приняла прохладный душ, халат пришлось нацепить прямо поверх белья: блузка ни в какую не хотела сохнуть под феном. И в таком виде прошеествовать на кухню в надежде, что никто ничего не заметит. Не собиралась же она, в конце концов, прилюдно расстегивать халат!

– Где вас носит?! – моментально выловил ее Самохин.

Вот о ком надо было думать! Никакой бабушки. Уровень эстрогена рухнул до критической отметки, и мозг сию же секунду заработал с удвоенной силой.

– Надо было привести себя в порядок после похода на рынок. Чем могу помочь? – с готовностью лакея улыбнулась она.

– Ваша задача – сопровождать шефа Бурджарини! – процедил Михаил Игоревич. – А он не может работать с сотрудниками, пока вы там прихорашиваетесь.

– Прошу прощения, больше такого не повторится.

⁶ Немного (*итал.*).

⁷ Яны тут нет. Только для мужчин (*англ.*).

⁸ Вечер? Утро? (*англ.*)

⁹ Подождите Яну, она была на кухне. Готовить, готовить! (*англ.*)

– Ладно, – сбавил напор Самохин, видно, боялся остаться без переводчика. – Пойдемте, я должен с ним переговорить.

Бурджарини, уже облаченный в форменную одежду, следил, как раскладывают продукты. Покрикивал на итальянском, и его короткие восклицания даже без перевода неплохо тонизировали персонал.

– О, Яна! – обрадовался он. – Вы как раз мне нужны. Скажите, пожалуйста, Виктору, что мы должны сейчас снова проработать...

– Подождите! – перебил Самохин, но, встретив недовольный взгляд шефа, стушевался. Уж Марко точно нельзя было так просто раскатать под плинтус. – Простите, в ваших условиях была корпоративная карта фитнес-клуба... Я выяснил, мы готовы ее предоставить, я только должен указать, какое время для посещений вам удобнее. Утро или вечер?

Яна перевела, снова украдкой оглядев Марко. Глупо было бы полагать, что такая фигура дается человеку от природы. Наверняка он все свободное время отдавал тренировкам, чтобы выглядеть, как натурщик Микеланджело. Тренировкам – и женщинам, разумеется. Иначе зачем ему такое тело?

– Что скажешь, Яна? – переадресовал вопрос Бурджарини. – В какое время вам было бы удобнее?

– Мне? – насторожилась она. – Это же ваша карта...

– А разве она не круглосуточная? – добавил Марко.

– Есть разные варианты, – Самохин уклончиво поморщил лоб. – Но пока мы не можем загадывать на год вперед и предложить годовую карту, было бы предпочтительнее выбрать время.

– Тогда пусть будет вечер, – пожал плечами Бурджарини, услышав перевод. – Утром я планирую делать закупки на рынке. И оформите, пожалуйста, карту для переводчика.

– Зачем?! – удивилась Яна, забыв про Самохина. – Я не думаю, что надо переводить инструкцию к тренажерам.

– Я предпочитаю, чтобы у меня была возможность общаться с людьми, – Марко вскинул бровь. – Или у тебя с этим проблемы? Я думал, сопровождать меня – это твоя главная обязанность.

Сговорились! Отлично, теперь и фитнес-клуб... Предупреждала же ее Ирина Васильевна насчет сверхурочных, но никто не говорил, что придется потеть в качалке. Ведь не стоять же столбом около его беговой дорожки?

Самохина просьба обрадовала еще меньше, чем Яну, но и выглядеть скупердяем он не хотел. Только посмотрел на нее косо, будто она была источником всех его проблем, и дал свое согласие на вторую карту.

– Я сброшу вам адрес в сообщении, – сказал он ей перед уходом. – Имейте в виду, это приличный клуб, ведите себя соответствующе. И постарайтесь не сильно отягощать господина Бурджарини.

Такого отяготишь... Неизвестно еще, кто здесь кого отягощает. И хорошо еще, что Марко свою работу любил больше всего остального. Соус и новый суп дали Яне возможность перевести дух и отдохнуть от поползновений в ее сторону.

Зачем Марко позвал ее в фитнес? Кому вообще нужен переводчик, чтобы сделать пресловутые три подхода? Либо хочет ее наказать за утренний инцидент с Джованни, либо за то, что она оттолкнула самого шефа Бурджарини в раздевалке. Или просто поцелуй не произвел на него никакого впечатления, поэтому он решил перейти на спортивно-журнальных красоток, и для шоу комплиментов ему нужна помощь? А может, он понял, какой эффект возымел на нее рельефный торс, и теперь собирается продемонстрировать все группы мышц? Ох, уж эти итальянцы!

Дай бог здоровья ему и его матушке, сегодня Марко не стал устраивать обед. Вместе с остальным персоналом Яна перекусила блюдами из стафф-меню. Комплексно, сытно и никакого флирта. К вечеру Яна и вовсе чувствовала себя в своей тарелке, наблюдая, как творится волшебство.

Освоившись на кухне и научившись лавировать между поварами и официантами, приспособившись даже находиться в горячем цеху ценой всего-навсего двух небольших ожогов, Яна смогла приобщиться к высокому искусству кулинарии. А зрелище поистине завораживало.

Казалось, сама она ни за что в жизни не смогла бы что-то резать с такой скоростью. Разве что собственные пальцы. Повара управлялись с ножами так, будто те были продолжением тела. Марко Руки-нож, вот как следовало называть Бурджарини. Сам он почти не готовил, да и готовить ему было некогда, но, когда все же брался за что-то, оторвать взгляд было невозможно.

Пожалуй, младшие повара, старшие, Вика, Игорь... Да все они могли бы посостязаться с Марко в скорости. Но ни у кого из них не было в движениях той же грации и пластичности. Наверное, когда матери Марко положили на живот крошечного младенца, следом за ним достали не плаценту, а огромный тридцатисантиметровый нож. Как еще объяснить это родство между женщиной и куском металла, Яна понятия не имела.

Более того, она выяснила, что у Марко, – да и у других поваров, – нож – это что-то вроде фетиша. Игорь, к примеру, за обедом доверительно поведал ей, что он даже в гости ходит с ножом из японской стали.

– Зачем? – удивилась Яна.

– Ну, во-первых, люди постоянно говорят: «О! Ты повар! Приготовь что-нибудь!» А во-вторых, нет ничего хуже тупых ножей.

– А металлоискатели? Полиция?

– Объясняю, что я повар, – Игорь улыбнулся. – Пока никто не задержал.

Ему легко! Он – обаятельный блондин с мягким брюшком и ежиком соломенного цвета. Кому придет в голову считать его потенциально опасным? Даже если бы он спустился в метро с бензопилой наперевес, никто бы не сомневался: он просто хочет распилить гигантский торт и раздать куски детям-сиротам. Другое дело – Марко. Черные волосы, рост волейболиста и плечи гребца... На месте полицейских Яна бы не стала с ним связываться, а сразу вспомнила о том, что дома ждут семья и дети. Но уж если им велят досматривать подозрительных личностей... Видимо, ей не раз придется вести переговоры с представителями закона, если Марко тоже не выходит из дома без ненаглядного тесака.

– Это твой личный нож? – спросила она, когда Бурджарини, покончив с работой, бережно вытирал лезвие салфеткой.

– Да, – с какой-то особой нежностью в голосе ответил он. – Он приносит удачу.

Разумеется, приносит! Разве станет кто оспаривать удачливость человека с таким ножом? И даже если станет, то ненадолго.

– А когда ты спишь, он лежит у тебя под подушкой? – съязвила Яна.

– Тебя уже интересует моя постель? – Марко вскинул бровь. – Могу показать. Уверен, Фабрицио согласится одну ночь провести на тумбе.

– Фабрицио?

– Ну да. Его зовут Фабрицио, – он ласково провел пальцем по рукоятке, и Яна ощутила массовый набег мурашек. – Так звали моего учителя, который мне его подарил. Фабрицио – значит «мастер».

– Очень трогательно, – нарочито резко сказала Яна, чтобы привести в чувство если не его, то себя.

– Между прочим, у каждого творческого человека есть свой инструмент! – Марко выглядел задетым. – У флейтиста – флейта, у художника – кисть. Не понимаю, чем нож хуже. Ты ведь тоже не простой переводчик, да? Что было в той папке?

– Так, ерунда...

– Неправда. – Он убрал нож в чехол. – Но я не хочу это обсуждать здесь. Сколько тебе нужно, чтобы доехать до дома и обратно?

– Зачем? – напряглась Яна.

– Как? Мы же с тобой идем в спортзал!

– Сегодня?!

– Для дипломированного специалиста ты задаешь чересчур много вопросов. Возьми шорты, кроссовки... Все, что тебе понадобится. Если ты будешь заниматься в халатике, под которым ничего нет, я долго не выдержу. А что? – Марко понизил голос. – Думала, я не замечу?

– Это так заметно? – Яна в ужасе обернулась, чтобы проверить, не косятся ли на нее остальные сотрудники.

– Нет, что ты! Это наш с тобой маленький секрет. Ты просто весь день проветривалась. Знаешь, как трудно не обрезать и не обжечься, когда знаешь, что под всем этим у тебя только нижнее белье?

– Марко! – воскликнула она, чувствуя, что если в этой кухне и можно обо что-то обжечься, так это об ее щеки. – Это недопустимо! И здесь же люди.

– И никто из них не говорит по-итальянски.

В этом было что-то притягательно запретное, как в яблоке Евы. Яна слышала про экстремальный секс в туалете или примерочной, но этот разговор вышел на новый уровень. Марко буквально касался ее нижнего белья перед всеми сотрудниками и, слава богу, делал это только на словах.

– Ах ты, моя маленькая проказница, – промурлыкал Марко. – Я знал, что с тобой будет весело...

– Прекрати сейчас же! – Яна расправила плечи и сделала лицо учительницы начальных классов. – Я предупреждала: за такие вещи меня могут уволить. Поэтому давай сохранять профессиональную дистанцию.

– Как убедительно!.. – восторженно выдохнул Бурджарини. – Я почти поверил. Вот сто-о-олько не хватило, – и он показал пальцами расстояние около сантиметра. Ладно. Я буду ждать тебя здесь, закончу со своими делами. Часа тебе хватит?

– Ты серьезно, да? – Яна умоляюще подняла брови. – Я еле на ногах стою. Получаешь удовольствие, мучая людей?

– Нет, удовольствие я получаю, делая женщине хорошо, – он соблазнительно улыбнулся. – Поверь, после интенсивной тренировки ты будешь чувствовать себя гораздо свежее.

– Если доживу...

– Не капризничай. Раз ты профессионал, то бегом за кроссовками, жду тебя через час.

Кроссовки. Это в ее штатном расписании не оговаривалось. Кроссовки! Да Яна понятия не имела, где они могут лежать. Спортивный стиль одежды? Для ленивых. Кроссовки? Для тех, кто не умеет носить каблуки.

Нет, она отчетливо помнила, как собиралась заняться бегом по утрам. И даже один раз встала за два часа до работы, вышла из подъезда... Кажется, сумела добежать до угла дома. Потом увидела толстую тетку с сумками и решила, что пока не отъелась до тех же размеров, тревогу бить рано. И не такая уж объемная попа, особенно если носить правильные фасоны юбок... И верх довольно изящен... О, как теперь Яна об этом жалела!

Ее уровень физподготовки годился только для занятий ЛФК в районной поликлинике. Растяжка? Нет, не слышали. Она не представляла, с какой стороны подходить к тренажерам, что с ними сделать и как потом остаться в живых. Делать все это перед самым сногшибательным мужчиной, которого она только встречала? После этого останется только добровольно сдать в монастырь.

Какой нормальный человек додумается приглашать девушку на свидание в тренажерный зал? Разумеется, ни о каком свидании речи быть не может, и Марко рано или поздно смирится с ее принципиальной позицией. Но откуда такие идеи? Одно дело – цеплять девушек, которые туда уже пришли, но приглашать извне? Смысл? Или это просто завуалированная проверка на сексуальную выносливость? Логично. Ведь если дама даст дуба после получаса кардио, вряд ли из нее выйдет лихая наездница.

В конце концов, тренажерный зал – это зона, где невозможно спрятать недостатки. Макияж неизбежно потечет, укладка рассыплется. О юбках не может быть и речи. И уж если кто-то влюбился в тебя, пока ты потеешь с гантелями, стоит этого человека холить и лелеять до конца дней.

Женская раздевалка добила настроение Яны окончательно. Перед ней мелькали идеальные загорелые тела красоток, которые могли себе позволить богатого ухажера и, как следствие, карту этого клуба. Перед ними не хотелось даже расстегивать блузку. Яна боялась, что стоит ей оголиться, как воцарится гнетущая тишина, все повернется к ней и ахнут. Возможно, одна дива, самая упругая, но самая слабонервная, даже заплачет или упадет в обморок. Остальные просто отхлестают бледную, неподтянутую нахалку мокрыми полотенцами и выгонят обратно, в мир невзрачных тружеников интеллектуального тыла.

Наспех натянув лосины и футболку с длинным рукавом, чтобы не так явно позориться перед шефом, Яна вышла в зал. Марко пребывал в отличном расположении духа с самого ресторана, и ей было совершенно непонятно, что именно его так веселит. Вероятно, он все спланировал с самого момента их встречи и теперь предвкушал сладкий момент мести и триумфа.

– Пойдем на дорожки, – бодро сообщил он.

– Я постою рядом. – Яна мрачно покосилась на спортивных людей вокруг.

– Ну, если это для тебя слишком сложно... – Марко развел руками и прошел к дорожке. – Каждый сам заботится о своем здоровье, и если ты решила, что...

– Как она включается? – не выдержала Яна и шагнула на огромный серый станок для прыжков.

– Другой разговор, красотка! – Марко понажимал на кнопки, установил ей какую-то программу, и полотно под ее ногами поехало назад.

Бурджарини был снисходителен: небольшая скорость делала тренировку больше похожей на прогулку в парке. И это Яну вполне устраивало.

– Так зачем ты ездила в Неаполь? – спросил он, встав на соседнюю дорожку.

– Ты все об этом!

– А в чем проблема? Имею я право получше узнать своего единственного переводчика? – Он шагал гораздо быстрее, но даже не запыхался.

– Не думаю, что хочу это обсуждать.

– Хорошо. Поговорим через несколько минут, – загадочно отозвался Марко, и прежде, чем Яна успела выяснить, что происходит, ее дорожка ускорилась.

– Эй! – пришлось перейти на бег. – Что ты сделал?

– Мы просто тренируемся! – крикнул он в ответ, и Яна с трудом расслышала его голос из-за топота собственных ног и шума в ушах.

Она бежала, не в силах остановиться. Соскочить было страшно: и слева, и справа занимались люди. Кнопки прыгали перед глазами. Попыталась уцепиться, потыкать пальцами... Упрямый писк, и никаких изменений. Кричать и звать на помощь? Чтобы опозориться фундаментально?

– Марко! – позвала она. – Пожалуйста! Останови!

– Что-что? – он явно издевался.

– Марко, пожалуйста!

– Что «пожалуйста»?

– Останови! – Дыхание сбилось, нога с непривычки заболела.

– Ну, не знаю... Я бы лучше послушал про Неаполь, но раз ты не хочешь...

– Я все расскажу! Выключи, пожалуйста!

Марко лихо соскочил с дорожки, нажал на пару кнопок... Она никогда не думала, что это такое блаженство – твердо стоять на ногах.

– Ну, Яна? – Марко торжественно скрестил руки на груди. – Зачем ты ездила в Неаполь и что было у тебя в папке?

Глава 6

– Не поступила – и уехала? – удивился Марко, когда Яна закончила историю своего провала.

– Не хотела работать сиделкой, – она бы пожала плечами, но из последних сил старалась не сбиться с шага и не отлететь в стену.

Марко сжалился, позволил ей мучить дорожку со скоростью шесть километров в час, но прошло уже больше получаса, с Яны лило градом, и она отвечала быстро и точно, чтобы удовлетворить, наконец, буйное итальянское любопытство.

– Слушай, не обижайся, конечно, но твоя работа в России – это почти то же самое.

Из чего ты сделан, Марко Бурджарини? Ты вообще способен потеть? Уставать? Или хотя бы молчать?! Яна покосилась на него: шагал, как будто всю жизнь только и мечтал об этом. А ведь его дорожка была под уклоном! Серьезно? Даже волосы сухие?

– Вот как? – слабо возмутилась она вслух. – Я переводчик, а не сиделка.

– И я не прошу тебя менять мне пеленки. Но кровать мою ты рано или поздно увидишь.

Самоуверенный болван! Наглец и потаскун! Вслух сказать этого Яна не могла, поэтому перенаправила злость в спорт и зашагала с двойным остервенением.

– О, смотри! – воскликнул Марко. – Я только решил, что тебя пора отпустить, а у тебя еще столько сил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.